

ГОРЬКИЙ — О. Д. ФОРШ

В своих воспоминаниях Ольга Дмитриевна Форш (1873—1961) рассказывает, как она встретила Горького в редакции журнала «Летопись»: «Я принесла ему рукопись „На Валааме“ <...> В редакции Алексей Максимович встретил меня очень приветливо, хвалил мои рассказы в „Русской мысли“...» («Из переписки с Горьким». — «Звезда», 1945, № 2). Публикуемое ниже первое из сохранившихся писем Форш позволяет установить, что знакомство с Горьким состоялось несколько ранее — в 1914—1915 гг. в редакции журнала «Современник». С этого момента связь писательницы с Горьким уже не прерывалась.

В первые годы революции Форш неизменно ощущала поддержку Горького. «Много раз в Союзе писателей, во „Всемирной литературе“, на разных заседаниях встречалась я с Алексеем Максимовичем, — вспоминает писательница. — Он очень заботился о писателях, кормил нас, учил молодых писать. Отношений отдельных у меня с ним не было. Завязались они позднее» (там же, стр. 103).

Почти каждое новое свое произведение О. Д. Форш посылает Горькому. В 1927 г. Форш провела три недели в гостях у Горького в Сорренто. Исторические романы «Одеты камнем» и «Современники» были высоко оценены Горьким. О книге «Одеты камнем» Горький писал в мае 1924 г.: «Очень интересен роман Форш» (письмо В. Ф. Ходасевичу, «Новый журнал», Нью-Йорк, 1952, № 31, стр. 190).

Форш дважды обращалась в своем творчестве к образу самого Горького: в книге «Сумасшедший корабль» (1930) и в написанной совместно с И. А. Груздевым пьесе «Начало пути» (1941). В последние годы она работала над воспоминаниями о Горьком.

Два письма Горького к Форш от 7 мая 1929 г. и 8 июня 1930 г. опубликованы в т. 30 (№№ 960, 986).

Ниже публикуется двенадцать писем Горького и шестнадцать писем Форш. Некоторые из писем Горького с сокращениями были опубликованы О. Форш в журнале «Звезда», 1941, № 6; 1945, № 2.

1

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

⟨Между июнем 1914 г. и октябрём 1915 г.⟩.
Царское Село, Фриденвальская колония, д. 54.

Многоуважаемый Алексей Максимович,

большое спасибо за искренность вашего письма¹. Что рассказ² нестроен — чувствую сама, но все же, если бы он и удался, *страшное* должно было оказаться не в Мике, который просто банален и славный малый, а в самой жизни.

Еще хочу сказать вам два слова, чтобы не остаться перед вами с одной неправдой: когда вы спросили меня, почему я «Терек», я ответила вам внешне, в смысле псевдонима: «по озорству». Сейчас, припоминая в тоне вашем укоризну, соображаю, что вопрос относился, вероятно, к «Шелушее»³.

Ну вот: от «Шелушей» я не только отказываться не могу, но считаю ее наиболее удачной из того, что мне пока привелось написать. Тем более хотелось бы мне узнать и понять, за что она вам неприятна. Кажется ли просто чепухой, или иное что?

Когда соберетесь вы еще в «Современник»?⁴

Искренно вас уважающая Ольга Форш

Письмо датируется по упоминанию журнала «Современник».

¹ Письмо Горького не сохранилось.

² Имеется в виду рассказ «Гнездышко». Напечатан под псевдонимом А. Терек в журнале «Путь», 1919, № 1 (январь—февраль). Очевидно, Горький ознакомился с рукописью этого рассказа.

³ А. Терек. Шелушея. — «Заветы», 1913, № 7.

⁴ С июня 1914 г. и по октябрь 1915 г. Горький принимал участие в редактировании журнала «Современник». О. Форш сотрудничала в журнале.

2

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

⟨Петроград. Конец апреля 1921 г.⟩

Уважаемый

Алексей Максимович,

опять вам большое спасибо! Совсем вышло «яичко в Христов день». Расписку о получении гонорара ¹ я отдала Е. П. Султановой ² для передачи вам.

Собираюсь на праздниках кончить и занести вам статью «Инопланетный Гастролер» (о Белом) ³.

Если помните, как-то в телефон вы посулили мне ордер на башмаки; если этот посул незатруднительно выполнить, была бы счастлива, ибо мучаюсь в взаимообразных в мужских, как в пароходах.

Если же вам возня, то не беспокойтесь — обойдусь.

Еще раз большое спасибо.

Ольга Ф о р ш

Датируется предположительно по содержанию. В АГ хранится письмо Горькому Р. В. Иванова-Разумника от 23 мая 1921 г., в котором он сообщает о материальных затруднениях Форш. На письме помета: «Передано 26-го».

¹ Возможно, речь идет о гонораре за перевод (или редактуру перевода) для издательства «Всемирная литература».

² Екатерина Павловна *Леткова-Султанова* принимала участие в работе издательства «Всемирная литература» в качестве переводчика (см. Горький — Леткова-Султанова).

³ По-видимому, речь идет о статье Форш, посвященной роману А. Белого «Петербург». Статья была напечатана под заглавием «Пропетый гербарий» в сборнике «Современная литература». Л., «Мысль», 1925.

3

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

⟨Петроград. 28 апреля 1923 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович,

я послала вам недавно мою пьесу «Равви» ¹, сейчас посылаю вам книгу рассказов — «Обыватели» ².

Буду рада, если напишете, что, по-вашему, мне удалось и что плохо. Про пьесу особенно интересно, пот⟨ому⟩ что драматургией хочу заняться круто. Если же вы мои книги сосватаете для перевода на немецкий яз⟨ык⟩, то буду вам очень благодарна. Деньги мне нужны до крайности; хоть бы летом иметь возможность писать не наспех!

Для «Беседы» ³ целиком собиралась послать «Живцы и Гуссова старушонка» (о живой церкви ⁴, заседаниях с староверами, сектантами, отсюда — новый быт и т. д.), но положение было безденежное, и пришлось одну главу отдать в № 3 «Красной нови» ⁵. Не знаю, можно ли все-таки послать в «Беседу»? Две трети в печати не были, но без этой главы (кот⟨орая⟩ в «Красной нови») большой будет пробел. Как быть? Затеяно много

рассказов (из современного быта), но я могу их осуществить лишь при минимальной обеспеченности хоть на 2—3 месяца.

Я очень надеялась, что З. И. Гржебин, взявший мои книги два года тому назад (если помните, вы лично передали ему отписки), эту обеспеченность мне доставит.

Когда А. П. Пинкевич⁶ ездил в Берлин, я просила его передать мое заявление о том, что печатать мои вещи (кроме пьесы «Луковка-двоехвостка»⁷) прошу немедленно. Это было мне обещано, но не выполнено.

Простите, Алексей Максимович, что беспокою вас своими делами, но кроме вас нет другой надежды. Всех, кто ехал в Берлин, просила видетсья по моим делам с Гржебиным, и все сказали, что он — невидимка. Прошу вас повлиять на то, чтобы *рукописи мои, которые вы передали ему в 21 г. 17 марта, были, наконец, сданы в печать*:

1) Книга рассказов: «Оцт и вино»⁸.

2) Книга сказок «Что кому нравится»⁹.

Последнюю книгу я прошу перекрестить по первому рассказу «Медведь Панфамил» (посвящен вам). К нему и обложка сделана Л. Бруни¹⁰ (принята издательством еще в Петрограде зимой 21 г.).

Вместо подписанного мною с Гржебиным договора на 60% с прибыли прошу просто выплатить мне по листам — 50 р. *золотом* за лист (напечатанного раньше), здесь — самая небольшая оплата. Ее я и хотела бы получить от издательства.

Очень прошу, устройте мне это дело! Я прихожу в отчаяние, что и это лето не удастся мне написать большую, давно затеянную работу¹¹, ни окончить романа «Оглашенные»¹². От принудительной спешки и «талантливых» набросков тупею и развращаюсь. Вот помогите собраться с мыслями и оставить хоть одну стоящую вещь! Пусть хоть меньше даст издательство, но *сейчас!* Для лета.

Алексей Максимович, не сердитесь, что пристаю с хлопотами, когда у вас своих дел куча. Но верю, что можно вас просить. Ведь мне не зря. У меня *есть* что написать, но еще немного и не хватит сил. Хоть бы два месяца спокойной работы!

Ваша «автобиография»¹³ уже не литература, а большая радость. Спасибо вам. Жду очень, когда выйдет книжкой. Жму крепко вашу руку.

Ольга Ф о р ш

«Коперника»¹⁴ Гржебин выпустил, но не шлет ни гонорара, ни авторских экземпляров.

Адрес мой: Мойка, 59, кв. 30/а, комната № 9.

Письмо датируется по почтовому штемпелю.

¹ Ольга Ф о р ш (А. Т е р е к). Равви. Пьеса в 3 действиях. (Включена в репертуар «Мастерской передвижного театра» П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской в Петербурге). М.—Пг., «Круг», 1923.

² О. Ф о р ш. Обыватели. Рассказы. М.—Пг., «Круг», 1923.

³ См. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 2.

⁴ См. письмо 21, прим. 10.

⁵ Названное произведение ни в «Беседе», ни в «Красной нови» напечатано не было.

⁶ См. Горький — Слонимский, письмо 3, прим. 1.

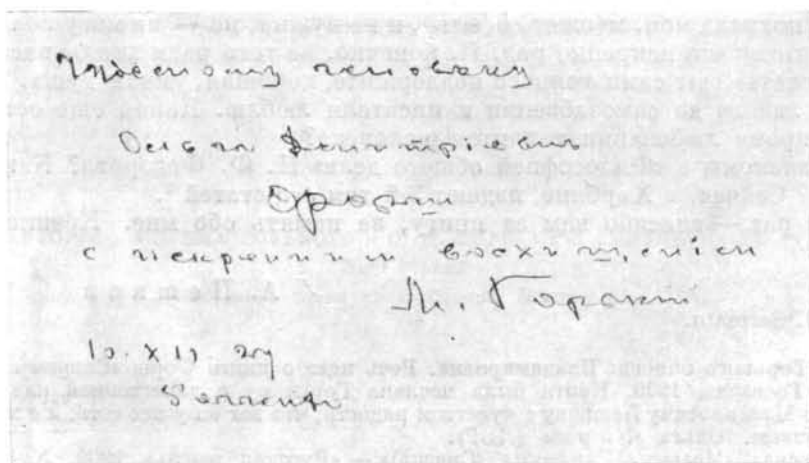
⁷ Пьеса не была издана.

⁸ Книга не была издана.

⁹ Впервые книга «Что кому нравится. Сказки и рассказы» вышла в изд. И. Д. Сытина (М., 1914). В изд. Гржебина не выходила.

¹⁰ Лев Александрович Бруни (1894—1948) — художник.

¹¹ Очевидно, имеется в виду замысел романа «Одеты камнем». В автобиографической заметке «Дни моей жизни» Форш писала: «1923 год стал поворотным в моей литературной работе, потому что я перешла от рассказов к первому историческому роману. Весь 1923 год я была поглощена, как я уже сказала, Петропавловской крепостью. Я была просто одержима крепостью: ездила к ней ежедневно, впивая в себя чувством

ГОРЬКИЙ

Фотография, Неаполь, 1924—1926 гг. с дарственной надписью:
 «Чудесному человеку Ольге Дмитриевне Форш с искренним восхищением
 М. Горький. 10.XII.27. Sorrento»

Собрание семьи писательницы, Ленинград

и мыслью все, еще не остывшее, не рассеянное новым свежим воздухом революции» (Ольга Ф о р ш. Вчера и сегодня. М., «Правда», 1959, стр. 10).

¹² Пролог к роману «Оглашенные» напечатан в сборнике «Скифы», № 1. Пг., 1917—1918. В ответ на вопрос анкеты «Есть ли у вас новые свободные произведения для журналов и альманахов» О. Форш отвечала (в 1919 г.?): «Есть роман „Оглашенные“, 10 печ. листов» (Отдел рукописей ИМЛИ II—7495). Полностью роман не напечатан.

¹³ В «Красной нови», 1923, №№ 1 и 2, под общим названием «Автобиографические рассказы» были напечатаны следующие произведения Горького: «Время Короленко», «В. Г. Короленко», «О вреде философии», «Мои университеты» (начало).

¹⁴ О. Ф о р ш. Смерть Коперника. Берлин — Пг.—М., изд. З. И. Гржебина, 1922 (экземпляр книги хранится в личной библиотеке Горького).

4

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

(Сорренто. 5 сентября 1926 г.)

Получил вашу книгу, Ольга Дмитриевна¹, очень тронут подарком, сердечно благодарю вас.

Я — давний и почтительный поклонник вашего добротного таланта и умного — удивительно умного! — сердца вашего. Мне давно хотелось сказать вам это, и вот я очень рад, что говорю, наконец. Еще ваш рассказ в «Русской» мысли — «Медвежонок»?² — удивил меня рисунком и, затем, многое другое. А «Одеты камнем» — уже большая вещь, высоко ценю ее как одну из книг, кои начинают на Руси подлинный исторический роман, какого до сей поры — не было, а сейчас есть уже четыре: два ваших³, «Кюхля» Тынянова и колоссальный «Разин» Чапыгина.

«Современники» — значительнейшая вещь, на мой взгляд. И — богатая мыслями, каждая из коих — тема большой книги, как, напр<имер>, «невозможность влюбиться в женщину... обремененная в состоянии сознания»⁴, — конечно тут не только *эта* невозможность, а и всякая другая. В книге есть зияния, которые, видимо, надо объяснить условиями цензурными, но конец 12-й главы⁵ смят, должно быть, по вашей вине. Извините мне эти замечания? Еще одно: вы пишете Борейша, а московского блаженного звали, как помнится, Корейша, Яков Иванович⁶. Это конечно, пу-
стык.

Да, хорошая книга. Меня, слышал, упрекают, что неразборчиво хвалю. Возможно, что это так и есть, ибо частенько я хвалю для того, чтоб «поддержать», раздуть огонек, м<ожет> б<ыть> вспыхнет пламя? Живу надеждой, вот-вот появится гений, столь необходимый нам сейчас. А художник особенно нуждается в друге.

Вам похвала моя, м<ожет> б<ыть>, и не нужна, но — не могу не похвалить, потому что искренно рад. И, конечно, не того ради хвалю вас, чтоб «поддержать», вы сами всякого поддерживаете, хорошая, умная душа. Литературу люблю до самозабвения и писателя люблю. Какая еще есть радость, кроме любования талантом человека?

Вы знакомы с «Философией общего дела» Н. Ф. Федорова? Как будто — да? Сейчас, в Харбине, издадут 3-й том его статей⁷.

Еще раз — спасибо вам за книгу, за память обо мне. Крепко жму руку.

А. Пешков

5.IX—26. Sorrento.

¹ У Горького описка: Владимировна. Речь идет о книге Форш «Современники». М.—Л., Госиздат, 1926. Книга была послана Горькому с дарственной надписью: «Алексее Максимовичу Пешкову с чувством радости, что вот он у нас есть, и с искренней любовью. Ольга Ф о р ш» (ЛБГ).

² Рассказ «Медведь Панфамил (Сказка)». — «Русская мысль», 1909, № 8.

³ Романы «Современники» и «Одеты камнем (Таинственный узник Алексеевского равелина)». М., «Россия», 1925.

Вот-вот появятся тени, снова необходимая помощь
твое. А художник особенно нуждается в дружбе.
Вот хочешь издать м.б. и не нужна, но-то могу не
выбавить, потому что не ежедневно рат. Литературу
люблю до самозабвения и безотказно являю. Навяз
еще себе радость. Кроме удовольствия от общения с
тобой?
Ваш знакомый в философии общего м.б. и др. Опе
догого? Как будто-да? Сейчас в Хардине, надеюсь
3-й этаж от м.б. отойдет.
Еще раз. Спасибо Вам за книгу, за внимание обо мне
Копию пишу другу.

Михайлов

5. IX. 26

Sorrento.

* И, конечно, не того рода хвалю Вас, что
"поддержано", Вы сами великого подде
дуга, хороша. Умный друг

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГОРЬКОГО к О. Д. ФОРШ ОТ 5 СЕНТЯБРЯ 1926 г.

Лист последний

Собрание семьи писательницы, Ленинград

В предисловии к предполагавшемуся американскому изданию книги Форш «Оде-ты камнем» (1926, перевод М. И. Будберг, издание не состоялось) Горький писал: «Для своих романов она смело берет наиболее глубокие темы и умеет отлично разрабатывать их. В романе „Современники“ она изобразила знаменитого русского писателя Николая Гоголя и столь же знаменитого живописца Александра Иванова, творца замечательной картины „Явление Христа народу“. Тема романа — неизбежное противоречие между идеалом христианина и гением художника, его опытом. Противоречие это погубило Гоголя, который решил принести злой и острый талант свой в жертву религиозному идеалу, и это же противоречие изломало жизнь Иванова годами мучительных колебаний».

Третий герой романа, тоже художник по натуре, Багрецов, типично-русский человек с резко выраженной склонностью к „необычному“, склонностью вообще свойственной русским. Эту склонность Багрецов ощутил как самое существенное его „я“ и вообразил себя демоническим характером, сильным человеком, которому „все позволено“. Стремясь к свободе, к деньгам, он отравил свою жену, дал ей, уже больной, яду, и она умерла. Но оказалось, что умерла она именно от болезни, а яд, которым он хотел отравить ее, был безвредным слабительным порошком. Демонизм как будто приобретает внешне комический характер, но под внешней формой автором искусно прикрыта горькая, хотя и мягкая ирония. Роман заставляет глубоко задуматься над основным и для многих гибельным противоречием языческой природы гения с запросами христианской морали. Заставляет он подумать и о том, как высока цена „демонизма“?

Ольга Форш пишет твердой и сильной рукою мужчины, сдержанный язык ее книг убедительно точен, фигуры людей, изображаемых ею, живы и пластичны. Это талант крупный и своеобразный.

О романе „Одежды камнем“ я не буду говорить, чтоб не помешать самому читателю оценить достоинства романа.

Укажу только, что Михаил Бейдеман — лицо историческое, и Ольга Форш изобразила его судьбу ни в чем не погрешив против правды. Именно такова была жизнь Бейдемана, как о том рассказали документы тайных архивов» (Черновой автограф. АГ).

⁴ Имеются в виду слова героя романа «Современники» Глеба Багрецова: «Гоголь обстоятельство личное, невозможность влюбиться в женщину, как это может всякий болван, облек в состояние сознания, подобное столпникам. Отсюда заключил о себе, как о „сосуде избранном“ и, чтобы не угодить в Содом, метит в святцы» (М., Госиздат, 1926, стр. 174).

⁵ Гл. XII. «Коллизей».

⁶ Имеется в виду Иван Яковлевич Корейш. Сын священника, закончивший духовную академию, Корейш в 1817 г. был объявлен сумасшедшим и перевезен в Преображенскую больницу умалишенных в Москве, где и приобрел широкую известность в качестве юродивого. См. о нем: «Юродивый Иван Яковлевич Корейш», составил А. Ф. Киреев, М., 1898.

В последующих изданиях романа «Современники» написание фамилии юродивого исправлено.

⁷ Сочинения Н. Ф. Федорова были изданы в Харбине несколько позднее: Н. Ф. Федоров. Философия общего дела, т. I, выпуск 1. Харбин, 1928; т. II, выпуск 2. Харбин, 1929; третий том статей Н. Ф. Федорова не вышел.

См. также Горький — Григорьев, письмо 11, прим. 4, 5 и Горький — Пришвин, письмо 14, прим. 5, 6.

Москва. 1926 — 20 сентября.

Ваше письмо, дорогой Алексей Максимович, было мне большой радостью. Получила я его, когда нога была еще в лубке (разбито колено) и приходилось претерпевать недуги, так что простите, что не сразу отвечаю.

То, что вы признаете «Современников» значительной вещью, — дорогая от вас поддержка в трудную минуту, когда стою пред большой работой, и, нет-нет, боюсь — подыму ли ее? Замечания же ваши, конечно, все в точку: после XII главы, прежде чем мне предать Багрецова Коньяку, предполагалось загнать его еще в один, последний тупик. На «тему» Гоголя был «Обед у Волконской» с двумя иезуитами-украинцами, после чего необходимой делалась и «Флора Тенерани»¹ (тоже без конца). И еще были затеи... Главное — ужасная спешка из-за условий жизненных и самоодергиванье, дабы не перегрузиться «фантастикой». Надеюсь в следующих

вещах скомканности избежать. Будет у меня отдельная комната и близко-чудесная библиотека Акад(емии) наук, — работать смогу лучше, чем в московском переуплотнении. Если же мне удалось дать Ал. Ив(анова) и хоть сколько-нибудь Гоголя, и то, чем они нам живы, — я рада и этому.

Хочется сказать вам о том, что намечено мною как ближайшее — прежде всего «Горячий цех» в пяти тетрадях: 1) «Солдаты» (печатается), 2) «Печь Мартена», 3) «Символисты», 4) «Лазареты», 5) «Советы». Время от 1905—1920 гг.² Здесь о всех, кто «ковал», и о трагедии разрыва между всеми. Еще давно задуман роман «Николай Новиков»³ (изумительное время по пересечению разнообразнейших идей и судеб российских). Еще комедия задумана — «Переворот»⁴.

Я счастлива, что вы причисляете меня к зачинателям нового исторического романа. В этом именно полагаю свое настоящее дело. Думаю, что в «Одеты камнем» кое-что угадано верно. Во всяком случае, думаю, правильное укрепившись на *сегодня*, взорвать все пограничные столбы, представленные временем, так, чтобы в *сегодня* проступило вчера. Живое все ведь забирается и живет. И хоть мы только сейчас, но века — в нас (а не сами по себе, как полагалось раньше).

Впрочем, об этом в двух словах не скажешь, как и о Федорове, о котором удивительно, что вы помянули. Как раз читаю его том II (других не знаю). Есть вещи неприемлемые, но зато есть нечто поражающее, как *жизнь*, — чего никогда не встретишь у Вл. Соловьева. Тот рядом с Федоровым — просвещеннейший гид по «святым местам», никак не участник и разоблачитель творческих сил, еще не опознаваемых нашим дневным сознанием. Потому нелепое у Фед(орова) волнует больше самого раз-умного соловьевского. Если вам интересно — напишу подробнее об этих вещах. У меня, знаете, такое чувство после вашего письма, что мы с вами раньше хоть виделись, но не встречались, а сейчас доспело, так что вот — встретились.

Будьте ж здоровы, Алексей Максимович, крепко жму вам руку.

Ольга Ф о р ш

Еду на днях в Ленинград, где проведу всю зиму.

Адрес мой, пока не вылечусь и не устроюсь (с добрый месяц верно), следующий: Клинский пр., д. 27, кв. 26, Ольге Дмитриевне Форш.

¹ «Флора Тенерани» — III глава романа «Современники».

² Замысел эпопеи в пяти частях не был осуществлен во всем объеме. Роман «Солдаты» опубликован не был. В 1927 г. вышел в свет роман «Горячий цех» с подзаголовком: «Печь Мартена». В заметке, помеченной 6 октября 1928 г., Форш сообщала: «Заключив книгу рассказов о загранице „Лурдскими чудесами“, временно оставляю начатый роман „Символисты“ (продолжение „Горячего цеха“), чтобы перейти к работе для театра».

Многу задумана драма в 4-х действиях: «Екатерина и Новиков» (1770—1792). Кроме того, в сотрудничестве с И. Груздевым, работаю над пьесой «Недолет» («Пятый год») (Отдел рукописей ИМЛИ, II — 16082).

В 1933 г. в журнале «Звезда», №№ 1, 5, 9 и 10 был напечатан роман «Символисты» без указания на то, что он представляет собой часть эпопеи «Горячий цех». В отдельном издании роман получил название «Ворон» (Л., Гослитиздат, 1934).

³ Романа о Н. И. Новикове Форш не написала. Но образ Новикова широко раскрыт в созданной позднее трилогии о Радичеве («Якобинский заквас», «Казанская помещица», «Пагубная книга», 1932—1939).

⁴ Неосуществленный замысел.

Обрадован письмом вашим, Ольга Дмитриевна, и буду очень благодарен, если вы найдете свободный час, чтоб поделиться со мною мыслями ва-

шими о Федорове. Первый том статей его — редкость, был он издан лет 20 тому назад в г. Верном. Третий готовится к изданию в Харбине почитателями Федорова; во главе их стоит некто Н. А. Сетницкий¹. Группа эта выпустила в свет под титулом «Смертобожничество» анонимную книжку в 80 страниц²; цель книжки — реформа православия в духе «активности». Ход мысли обнаруживает явное влияние Фед<орова> и, на мой взгляд, нечто языческое от В. В. Розанова. В критической части книжки немало интересного, но, к сожалению, «новая вера» закончена пятикратной анафемой инаковерующим. Звучит это так:

1 — всякий, кто ограничивает участие человека в деле божием, — анафема да будет.

2 — всякий, склоняющийся пред смертью самой по себе и невидящий в ней никакого срама, — анафема.

3 — отвращающийся от труда и борьбы в деле преобразования плоти своей, — анафема.

4 — оправдывающий смерть и не противящийся ей;

5 — не стремящийся к действительной борьбе тоже проклят.

Это уж нечто от протопопа Аввакума и от *разумного* фанатизма, а по-сему неприемлемо для меня³. А в общем, как признак неугасающей *сердечной* мысли, весьма интересно и гораздо ценнее малокровных размышлений князя Трубецкого о «евразийстве»⁴, размышлений, тоже позаимствованных у Федорова, о чем князь и соратники его — молчат.

Большие темы в работе у вас, О<льга> Д<митриевна>, и особенно почтенна тема «Новиков». «Современники» позволяют уверенно ждать, что это вам хорошо удастся, — Новиков, ибо у вас удивительно тонко развита интуиция в понимании прошлого, как мне кажется. Исторического романа, в подлинном смысле этого понятия, у нас еще не было, и вот он является как раз вовремя. Это — замечательно.

Не помню, писал ли вам, что очень хвалю книгу Тынянова «Кюхля» и в совершенном восторге от «Разина» Чапыгина. А вы как думаете об этих книгах? Не лень — напишите. Я от любви к литературе склонен иногда к преувеличениям, что и естественно для влюбленного.

Сердечно тронут вашими словами «вот — встретились». Я ведь давно издали любовался вашей душой, не скажу — понятной мне, но как-то и чем-то радовавшей меня. Желаю вам всего доброго. А как это вы ногу-то повредили? Трамвай? Крепко жму руку.

А. Пешков

27.IX.28.

¹ Николай Александрович Сетницкий — преподаватель юридического факультета в Харбине. Переписывался с Горьким в 1927—1934 гг. (письма в АГ).

² «Смертобожничество». Харбин, 1926.

В АГ сохранился отзыв Горького об этой книге:

«Любопытная попытка понять „православие“ монистически.

Главы IV—V могут служить доказательством факта отсталости теологии и метафизики, т. е. даже не отсталости, а следования по путям экспериментальной науки. Ибо идея бессмертия плоти явно научного происхождения и, на мой взгляд, вызвана к жизни в этой форме идеями Мечникова—Метальникова, работами Штейнаха, Воронова и т. д. Умолчание о трюизмности божества».

³ В АГ сохранился черновик более позднего письма Горького к Н. А. Сетницкому (1933). Горький писал: «...будучи материалистом, я могу мыслить о борьбе со смертью только как о деле практическом, требующем экспериментального исследования».

Правительство наше, весьма чутко относящееся к идеям „фантастического“ характера, постановило в 32 г. создать „Всесоюзный институт экспериментальной медицины“ — ВИЭМ, цель института: комплексное изучение жизни, работы и изнашиваемости человеческого организма. Впервые за всю историю развития медицинских наук к этому делу привлечены физики, химики и впервые же обращено должное внимание на медицину».

⁴ Имеется в виду книга эмигранта С. Н. Трубецкого «Европа и человечество» (София, 1920) и его статья в сборнике «Исход к востоку» (София, 1920).

Трубецкой возглавлял группу русских эмигрантов, называвших себя евразийцами. Евразийцы выдвигали идею создания монархии, призванной объединить восточное славянство, а также ряд других народов Европы и Азии. Мистико-монархическая культура евразийства должна была прийти на смену изжившей себя романогерманской культуре Запада.

Горький писал о «евразийцах» в письме к Е. П. Пешковой (осень 1921 г.): «В Софии проф. Трубецкой объявил себя евразийцем и всех русских тоже так обозвал, а Европу со всей ее культурой предал черной анафеме...» (АГ). Позднее в письме к И. М. Касаткину от 16 февраля 1926 г. Горький писал: «И — наконец — порча русского языка, якобы „национализируя“ нашу литературу, обильно льет воду на мельницу „евразийцев“ — есть такая секта эмигрантов, утверждающих, что Русь — не Европа, не Азия, а Евразия» (М. Горький. Письма о литературе. М., «Советский писатель», 1957, стр. 316).

7

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

(Сорренто. 13 ноября 1926 г.)

Об А. Н. Шмидт¹ мне вам, Ольга Дмитриевна, нечего добавить; в ту пору, когда я встречался с нею, я был к людям неласков и жестоко убежден, что все они живут не туда, куда следует жить и не те книги читают, и не о том говорят. Впрочем, я от убеждения этого и по сей день не совсем отрешился, но, кажется, стал терпимее, ибо алогизм жизни кое-чему все-таки учит. А <нна> Н <иколаевна> была для меня человек прежде всего — смешной, затем наянливый и как-то очень мешавший мне своим христолубием. А тогда Христа в иудейскую веру обращали, как вы знаете, — и я этому делу был, в некоторой степени, причастен. Так что понимать «Аннушку» у меня не было ни времени, ни охоты. Могу лишь сказать, что все люди, встречавшиеся с нею, и самые разнообразные люди, относились к ней одинаково ласково, но это, кажется, потому что все считали ее «блаженной». В 910 году на Капри приехал с экскурсией учителей некто Белавин или Белявин, ее ученик, учитель из Касимова, человек бойкий, неприятный, он рассказал мне о ее «успении», свидетелем коего он якобы был, но затем оказалось, что он мне похвастал.

Вас интересует: чем жил бы в глубокой старости Илья Артамонов-сын?² Ослеплять его — излишне, это вы сами понимаете. А жил бы он сознанием выполненной им исторической работы и чувством удовлетворения, возникающим из этого сознания. Так жили и живут многие старцы: В. В. Берви-Флеровский³, князь Кропоткин, Н. Н. Златовратский, так, я думаю, живет Аксельрод⁴ и многие другие. По-человечеству к ним надобно применить поговорку: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало».

Лично я предпочитаю людей безутешных.

Все сказанное вами о «смертобождах», на мой взгляд, неоспоримо правильно, правильно и указание, что от Федорова «тошнотно», как после хлороформа. И верно, что мыслитель он оригинальнейший, но мне ненавистен его взгляд на женщину, церковный взгляд, формулировал он этот взгляд так: культура — результат господства женщин «не тяжелого, но губительного». У меня по этому поводу другие мысли, кратко выражу их так: человечество обязательно возвратится к матриархату, мужчина доигрывает свою роль.

Сожалею, что не могу послать вам харбинскую брошюру учеников Федорова⁵, написал им, чтоб они послали. Брошюра эта есть у Данзас⁶. Спасибо вам за интереснейшее ваше письмо. Когда и где будете вы печатать о «Символистах»?⁷ Мнение ваше обо мне, разумеется, волнует меня.

Желаю вам всего доброго, О <льга> Д <митриевна>.

А. Пешков

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в семье Форш.

¹ Горький отвечает на вопросы, поставленные в письме Форш от 3 ноября 1926 г.: «Отчего от Федорова, как и от А. Н. Шмидт, как-то тошнотно, будто нанюхаетесь хлороформу? <...> Если не трудно, прошу вас сообщить мне что-либо об А. Н. Шмидт. Кроме ее книги и удивит(ельно) воссозданного вами ее чисто внешнего образа, — ничего не знаю. Неужто ни в чем не было значительности? Хотя неприятное, но большое какое-то (не знаю как его и назвать) у нее дарование несомненное» (АГ).

Анна Николаевна *Шмидт* (1851—1905) — автор религиозно-мистических сочинений, опубликованных после ее смерти и восторженно встреченных реакцией. Была репортером газет «Волгарь» (1894) и «Нижегородский листок» (1894—1905). См. очерк Горького «А. Н. Шмидт», впервые опубликованный в кн.: «Заметки из дневника. Воспоминания». Берлин, «Книга», 1924.

² Горький пишет о внуке Илье Артамонове, в то время как Форш в письме от 3 ноября 1926 г. спрашивала его об Илье Артамонове старшем (см. письмо 8). Форш писала: «За „Дело Артамоновых“ вам большое спасибо. Только жаль мне, что Илью Арт(амонова) вы так рано убили (т(о) е(сть) художественно прекрасно и вовремя), но мне просто по-человечеству хотелось бы знать вот что: если такого человека довести до глубокой старости и еще ослепить, то чем бы и как жить ему?» (АГ).

³ Василий Васильевич *Берви* (псевдоним — Н. Флеровский) (1829—1918), известный публицист-народник.

⁴ Павел Борисович *Аксельрод* (1850—1928) — один из основателей группы «Освобождение труда», идеолог меньшевизма, после Октябрьской революции — активный деятель II Интернационала.

⁵ «Смертобожничество». См. письмо 6, прим. 2.

⁶ Юлия Николаевна *Данаас* — знакомая Горького.

⁷ См. письмо 5, прим. 2.

8

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград.⟩ 6 декабря 26 г.

У нас с вами, Алексей Максимович, недоразумение вышло. Вопрос мой по «Делу Артамоновых» относился к старшему, к деду. Мне он значительнее всех, потому что никого не «дублирует», всюду сам, «первый у источника» — словом: это он — та новая, прекрасная разновидность и раньше вами художественно закрепленного, обаятельного своей силой жизни, большого удельного веса — человека. Но, как и раньше, словно нарочно, вы опять оборвали такого «на бегу». А хотелось бы, наконец, досмотреть его во весь рост, и непременно до конца.

Если вопрос раскрыть, то, конечно, он идет через голову данной фигуры, как в старину говорили, — «по линии мировоззрений». Художественными воплощениями спрашивать ярче, чем голым словом, и потому еще о старом Артамонове.

Если схваченную вами этим образом бешеную волю к жизни не оборвать «на бегу», а как-нибудь изолировать, вырвать из деятельности *выраженной* и переставить в условия «творчества из ничего», — каким *новым* творцом окажется такой? И вообще окажется ли; и еще интересней: *важно ли*, что-бы оказался?

Однако человек ведь один рождается, один умирает, с чем бы и как бы ни был он связан. И вот кажется мне — или: 1) не говорить вовсе «аз есмь», или сказав (а ваш человек, начиная с «Челкаша» и др<угих>, круче всего именно *это* и говорит), то уж необходимо и насыщенно такому иметь свой внутренний, ничем, никем неотъемлемый мир. Иначе, как белке в колесе, неужто пребывать в утомлении «вечного возвращения» и всяких иных форм «дурной бесконечности»? Тогда «аз есмь» вроде — симуляция... и рановато. И сколько, по-новому важного, могли бы сказать именно вы о *конце концов* настоящего, полновесного, земляного человека!

Боюсь, что нет ясности, не выпукло то, что хочу сказать. Надо бы опираться подробнее о материал, дать сопоставления и т. д., но сейчас невероятно киплю в работе всяческой. Если вас займет, потом еще напишу.

Ведь если у людей выходит какой-либо обмен, то о *взаимно непонятном* особенно хорошо говорить. Не правда ли? Оговариваюсь: разговор относится не к художественной работе, а к человеческому документу, который не в строках, а между и особенно волнует у иного писателя. А, может, и то, как кучер один говорил: люди, что кони, есть разномастные, да одной конюшни, а другие все чалые, да чужаки. Если «одной конюшни», хоть и разномастные (непонятности), но все-таки родня, — является особая настояженность и будто ответ, как при круговой какой поруке. И так как людям вообще мало дела друг до друга, то дорогá хоть в этом редком случае вся правда. Это я для будущего — если согласны? А сейчас хочу спросить вас об одной давней вашей вещи, которая задела меня и помнится по сейчас. Это «Исповедь» — т<о> е<сть> не о всей вещи, которую очень люблю за необыкновенный разбег и смелость (и не ту, за кот<орую> хвалила или бранила критика), а о *конце*, столь благополучно разрешающем трагедию личности. Разве *выход* — вопрос о личности разрешать поглощением ее же чем бы то ни было? Иначе: точно ли *мы* или *они* — решение *я*? Или личность самодовлеющая, трагична до конца, требуя в продвижении своем отсутствия всяких дающих опору древних «китов»? Тут, если до дна поставить вопрос, — либо пан, либо пропал (а не успокоение). Тут Сократ пьет свою цикуту, тут Данте не дрогнет спуститься во *все* круги ада и пролететь в десятое небо Эмпирея, а Гете, хоть и будет позировать гегеймратом * в окружении женских головок, но на самом-то деле *допишет* своего «Фауста». У нас же Достоевский, сказав как никто «Аз есмь», — «из ничего» создаст огромный, гипнотизирующий напряженнейшей жизнью мир, чтобы все-таки остаться двоящимся между «осанной» и «содомом». Толстого же ощущаю просто *вне* так остро поставленных вопросов. У него будто пуповина с землей не перерезана, земля всей громадой в него переливается, отсюда и гений и незнание того, что знает и средний человек (что бы Л. Шестов ¹ ни писал о нем, «созидающий и разрушающий миры», он — *принималюций*). Все муки у него называемы, а из страхов страшнейший тот, что и зверю, — смерть. Лучшие люди его смиренники, а не хозяева жизни. Насчет *хозяина* — черед за вами. Вот дайте нам «своего» Человека до конца, по-хозяйски, не пересекая его чуждыми руслами, не сбрасывая его преждевременно с рельс?!

Вот какое многословие из-за деда Артамонова. Досадно, однако, говорить безгласно и втемную, не зная, доколе выносит тебя собеседник. Сегодня, я думаю, довольно.

Дороги мне написанные вами в прошлом письме слова о «матриархате». Для меня это заветная тема, давно к ней готовлюсь. О женщине все лучшее ведь сказано мужчиной, и есть пробелы — опыт наш иной. Но женщине заговорить по-настоящему ужасно трудно. Надо не только суметь, *но и верить, что смеешь*. Слишком долго она пребывала под проклятием (Византия, философы, быт Китая, он перед метафизическим пренебрежением — ерунда). Философы особенно унизили на века. И даже Некрасов пел, «когда из мрака заблужденья... *я душу падишю* извлек». Пел и не стыдился, а себя почитал гражданином. Женский вопрос в глубине решается не юридически, а очень сложным и трудным самоосвобождением. К вам храню давнюю благодарность за нежное и рыцарское отношение к женщине. «Бабушка» ваша и «Мальва» — дорогой русский вклад в мировую сокровищницу под гетевским знаком «das ewig Weibliche»**.

Посылаю вам только что вышедшие мои «Московские рассказы» ².

Напишите, свирепо ли Средиземное в марте-апреле? У меня есть надежда сосватать свою книжку «Вчерашний день» ³ (старые рассказы, кото-

* Тайный советник (нем.). — *Ред.*

** Вечно женственное (нем.). — *Ред.*

рые не вышли у Гржебина). Я хочу ехать в Париж на месяц. Попутчики есть из Батума в Марсель. Соблазняюсь, но если бури, может, сушей вернее?

Мой адрес: Литейный 9, кв. 6.

О. Д. Ф о р ш

Благодарю за то, что выписали мне «Смертобожцев».

¹ Лев *Шестов* (псевдоним Льва Исааковича Шварцмана, 1866—1938) — декадентский философ и критик, автор книги «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше» (Пб., 1905). См. отзыв Л. Толстого о книге Льва Шестова в очерке Горького «Лев Толстой» (т. 14, с. 280—281).

² О. Ф о р ш. Московские рассказы. Л., «Прибой», 1926.

³ О. Ф о р ш. Вчерашний день. М.—Л., Госиздат, 1928.

9

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

⟨Сорренто. 15 декабря 1926 г.⟩

Если для вас, О⟨льга⟩ Д⟨митриевна⟩, матриархат — «тема заветная», разрешите указать вам на две, недавно вышедшие в Берлине и, видимо, очень значительные книги: Dr. Leonore Kühn «Wir Frauen» и Margarete Weinberg «Утопии»¹. Книги эти я знаю лишь по рассказам и рецензиям, но все, что слышал о них, меня почти восхищает и не потому только, что Кюн и Вейнберг убежденнейшие гинекократки, а по той смелости и доказательности, с которыми они говорят о «сумерках мужчины». О сем *факте* давно уже пора говорить, ибо ведь уже ясно, что мужчина-то всесторонне обанкротился и духовно исеял.

Мое, от юности свойственное мне, преклонение и удивление пред силою женщины, — я говорю, конечно, не только о сексуальном обаянии, а о некоторой сущности ее, непонятной и, часто, враждебной мне, мужчине, — мое, говорю, чувство к женщине давно уже навело меня на мысль, что царствованию мужа Земли приходит конец и власть над миром должна перейти к жене и Матери Земли. После гнусной войны 14—18 г. это стало моим убеждением, и я знаю, что последнюю революцию сделают женщины, чему — физически — будет препятствовать Восток, конечно, более упорно, чем Запад. Сумбурно говорю? С тем возьмите, я вообще мысли мои выражаю неуклюже. Но — это мысль не вчерашнего дня, еще в 95 г. я написал рассказ «Мать»², за который получил самый высокий гонорар: меня на улице поцеловала за этот рассказ незнакомая мне, очень пожилая женщина, кажется — еврейка. Теперь: вы пишете: «Сколько, по-новому важного, могли бы вы сказать о *конце концов* настоящего, полновесного, земного человека». Вы забыли прибавить: русского, ибо никаких иных людей я не знаю, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ — плохо знаю, должно быть, ибо все не русские сильные люди кажутся мне более крепко связанными изнутри, чем наши люди.

А наши люди — вот: умница и прямодушнейший Савва Морозов³, хороший друг мой, *искренний* революционер — застрелился. Савва Мамонов, человек поразительной энергии, красавец по духу, поставивший на ноги «иже во святых» художников наших Васнецовых, Поленова, Врубеля, Шалапина и еще многих — угодил в тюрьму как злостный банкрот, был забыт всеми, кому он делал великое добро, и умер в настроении Тимона Афинского⁴. Гордей Чернов⁵ — чудовище нижегородское, талант, разбойник, миллионер, бросив богатое дело свое на ходу, тайно ушел на Афон-старый, конечно — в монахи. Н. А. Бугров⁶, удельный князь нижегородский, обладатель капитала в 60 миллионов, филантроп, говорил

мне в 903 году: «Зря по земле бегаем, А. М., милый, и оттого бегаем, что стоять крепко не на чем». Судостроитель Журавлев ⁷, знаменитый на Волге, после того, как сын его Борис застрелился вслед за Грибовой и Тарасовым — помните эту московскую драму? — сказал инженеру своему и приятелю: «Всю жизнь я суда строил, а пустыря в душе своей не мог застроить». Я мог бы показать вам еще десятка полтора таких же больших людей и всё — с «пустырем» в душе. Присматривался я к ним очень зорко и — с любовью. Именно — с любовью.

Русский «пустырь» — штука куда более страшная, чем это чувствовал Федор Достоевский. Кстати: он, Ф(едор) Д(остоевский), всю свою жизнь, мне кажется, — «смущался» девочкой той, которой бредил Свидригайлов пред самоубийством и о которой рассказал Ставрогин. Да и сам Ф(едор) М(ихайлович) — помнится — лично каялся кому-то, что однажды согрешил с 12-летней девочкой, которую ему, якобы, продала гувернантка ⁸. (Вероятно он это выдумал для усиления ужаса пред самим собою.) Так вот, знаете, эта «символическая» девочка мучила многих русских «земляных» силачей с «пустырем» в душе. Двое из волжских пароходоладельцев из-за этой девочки попали под суд, и жена одного из них, Мария Капитоновна, предложила мужу, накануне вручения ему обвинительного акта, принять «порошок», дабы предохранить дочерей его и ее — от славы: дочери каторжника ⁹. В этом же — в «девочке» — повинен был один из тульских «самоварников», фабрикант и еще кое-кто. Я не могу объяснить тяготение к «девочке» только грубейшим распутием, «извращенностью инстинкта» и т. д. Нет, это символическая «девочка», несмотря на ее реальность. Ее требует «пустырь». Я думаю, что нигде в мире нет столько преступников из любопытства, из желания ужаснуться пред собою, из озорства и т. д. — нигде, как у наших «сильных» людей.

Не знаю — понимаете ли вы меня? Я тут говорю о сумерках мужчины, о тупике, в который он давно уже попал. Это, поймите, не только социальный, но и духовный тупик. И ясно, что сказать о «конце концов» «полновесного человека» ничего веселого я не могу. А о женщине — не умею говорить так, как следовало бы. Вижу и чувствую, что она — растет, слышу, что она уже начинает говорить о себе несслыханным тоном и новыми словами. Мужчина тоже, как будто, начинает говорить о ней по-новому, конечно, все еще со скептической усмешкой, но уже более значительно, а иной раз — с задумчивостью, под которой чувствуется страхок. Мак-Орлан, Шервуд Андерсон, Лоуренс, Иоган Бойер ¹⁰, да и еще многие не только англосаксы и германцы, но и романцы, нет-нет, да и скажут что-то необычное о женщине.

Может быть, и мне удастся сказать что-то по этому поводу в романе ¹¹, который я пишу. Очень хотелось бы. Удивительные письма получаю я из России от различных комсомолок и прочих особ женского пола.

Ну, довольно. Будьте здоровы, О(льга) Д(митриевна)! Спасибо за книгу, хотя я ее еще не получил.

Если вам попадет на глаза книга Льва Гумилевского «Собачий переулочек» — Ленинград, изд. автора, 927 год — прочитайте. Книга-то плохонькая, но фактически интересна. Тема ее — сексуальная драма в среде комсомольской. Впрочем, вам, наверное, это и без книг хорошо видно.

Крепко жму руку.

А. Пешков

«Одеты камнем» переведены на английский язык. Я написал маленькое предисловие к переводу ¹².

А. П.

¹ См. Горький — Пришвин, письмо 18, прим. 6.

² Возможно, имеется в виду рассказ «Женщина с голубыми глазами». — «Самарская газета», 1895, № 197, от 14 сентября и № 199, от 17 сентября.

³ Савва Тимофеевич Морозов (1862—1905). См. также Горький — Григорьев, письмо 9, прим. 1.

⁴ Савва Иванович Мамонтов (1841—1919) — крупный промышленник и известный меценат, в октябре 1899 г. был посажен в долговую тюрьму по обвинению в растрате средств Общества Московско-Ярославской железной дороги. Замечание Горького о художниках несправедливо — см. коллективное письмо тринадцати друзей-художников (В. и А. Васнецовых, М. Врубеля, В. Поленова и др.) к С. И. Мамонтову от 9 апреля 1900 г. в томе «Художественное наследство. Репин», т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 56.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ О. Д. ФОРШ ГОРЬКОМУ НА РОМАНЕ
«СОВРЕМЕННОКИ» (М.—Л., 1926):

«Алексею Максимовичу Пешкову с чувством радости, что вот он у нас есть, и с искренней любовью
Ольга Форш»

Личная библиотека Горького

⁵ Гордей Чернов (ум. около 1900) — нижегородский купец, см. о нем в статье Горького «Беседы о ремесле» (т. 25, с. 300—302).

⁶ Николай Александрович Бугров (1837—1911) — нижегородский купец. См. очерк Горького «Н. А. Бугров» (т. 15).

⁷ Журавлев — владелец судостроительного завода в г. Рыбинске.

⁸ Горький имел в виду письмо Н. Н. Страхова к Л. Н. Толстому от 26 ноября 1883 г., опубликованное в журнале «Современный мир», 1913, кн. IX. См. в связи с этим: А. Г. Достоевская. Ответ Страхову. — В кн.: «Воспоминания А. Г. Достоевской», под ред. Л. П. Гроссмана. М.—Л., Госиздат, 1925, стр. 285—292.

⁹ Более подробно об этом эпизоде Горький рассказал в 1930 г. в статье «Беседы о ремесле» (т. 25, с. 299—300).

¹⁰ Пьер Мак-Орлан (р. 1882) — французский писатель; Шервуд Андерсон (1876—1941) — американский писатель; Давид-Герберт Лоуренс (1885—1930) — английский писатель; Йуахан Бойер (1872—1959) — норвежский писатель.

¹¹ «Жизнь Клима Самгина».

¹² См. письмо 4, прим. 3.

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

Olga Forch.

2, rue et Hôtel Lhomond près de Panthéon.
Paris V-ème.

2 июня 27 г.

Здравствуйте, Алексей Максимович,

пишу вам из Парижа, куда я недавно приехала. Госиздат купил у меня Собрание сочинений¹ (куда вошло все, кроме — увы! — сказок, в них же «Медведь»² — вам мною посвященный), что и дало мне возможность уехать за границу. Если будут высылать деньги — как обещали (по-месячно), то думаю здесь пробыть до осени и через Италию вернуться домой. Очень хотелось бы мне, Алексей Максимович, повидаться с вами и устно договорить то, что у нас в переписке столь значительно наметилось. И, не знаю почему, письма вдруг оборвались. Я послала вам в ответ на ваше последнее — длинное в канун Нового года. Может, вы его не получили? Или я ваше?

Сын написал мне, что после моего отъезда пришла та брошюра из Харбина³, которую вы для меня выписали. Очень благодарю вас. Иден Федорова вижу в последн<их> работах наших русских рел<игиозных> философов, но попроще, победнее.

Присутствовала на опытах «смычки» фр<анцузских> писателей с русскими, познакомилась с просто французами. Кроме «самовара», они научились произносить «Dostojevsky», но посмотреть глубже — очень чужие.

Сейчас идет «Ревизор», кот<орый> зовется «Gouverneur» без слишком очевидной «клюквы», но так глуповато, внешне-формально, как и в институтах Мольера у нас не давали.

Хочется опять о многом с вами говорить. Не знаю, что именно вам интересно. У меня уж просится рассказ «Кукины дети»⁴, да писать негде; негры, венгры, громкоговоритель и любовные приключения 2-х этажей, вокруг большой клумбы под окнами.

Прошу вас сообщить, верны ли сведения, кот<орые> дала мне в Москве «Дерутра»⁵, что билет, взятый у нее, дает право без особой визы проехать Италию до Неаполя и через Венецию в Вену? Не рискую ли с таким билетом вовсе в Италию не въехать?

Адрес этот мой постоянный на весь июнь.

Будьте здоровы, Алексей Максимович.

Ольга Форш

¹ О. Форш. Собрание сочинений, тт. 1—7. М.—Л., Госиздат, 1928—1930.

² «Медведь Панфамил». Рассказ все же вошел в названное выше Собр. соч. (т. 5. «Причальная мачта». Пьесы, сказки, рассказы, статьи. М.—Л., Госиздат, 1930). Книга эта была послана автором Горькому с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу от Ольги Форш с посвящением „Медведя“» (ЛБГ).

³ «Смертобожничество». См. письмо 6, прим. 2.

⁴ Рассказ «Кукины дети» вошел в кн.: О. Д. Форш. Под куполом. См. письмо 22, прим. 1.

⁵ «Дерутра» — немецко-русское железнодорожное акционерное общество.

Мне кажется, дорогая Ольга Дмитриевна, что эта «Дерутра» сообщила вам нечто правдоподобное, но едва ли всю правду. До Неаполя вы, наверное, доедете с дерутриним, — как, впрочем, и со всяким другим билетом, но если у вас нет итальянской визы, — на берег вас, пожалуй, не пустят.

Я предложил бы вам проверить сомнение мое в итальянском консульстве Парижа и, если окажется, что я прав, — немедленно написать мне, чтоб я хлопотал о визе.

Видеть вас, говорить с вами был бы очень рад! Очень. Встречаете ли литераторов¹ и как они вас встретили? За некоторых из них «болит душа моя», но большинство устрашает меня злобностью своей. Никогда не понимал злобы «Христа ради».

Кажется, вы не получили одно мое письмо со вложением якутского стихотворения о звезде, на которую смотрит олень²; заключаю это из того, что я просил вас стихи эти «прислать» в Царское Село, но там они до 7 мая не были получены. Письма пропадают нередко.

Итак — побывайте у итальянцев и напишите мне.

До свидания?

А. Пешков

А по приезде в Неаполь телеграфируйте или телефонируйте: Sorrento, отель «Минерва», и, если вы поедете по ж<елезной> дор<оре> — мы вас встретим в Кастелламаре — Castellamare и привезем на Capo di Sorrento и накормим апельсинами, макаронами, виноградными.

Всего доброго.

А. П.

Датируется по письмам 10 и 12.

¹ Имеются в виду русские писатели-эмигранты, живущие в Париже.

² Стихотворение «О звезде, на которую смотрит олень» было взято Горьким из полученного им в 1927 г. рукописного сборника «Образцы народной поэзии сах<ар>ов (якутов)». Автор переводов — Гаврила Васильевич Ксенофонов. В приветствии Первому съезду литераторов Сибири («Правда», 1928, № 92, от 20 апреля) Горький привел две цитаты из этого сборника.

12

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

⟨Париж.⟩ 22 июня ⟨1927 г.⟩

Просто не верится, дорогой Алексей Максимович, что наконец увидимся с вами как следует, т<о> е<сть> как хотелось видеть вас и говорить с вами еще добрых четверть века назад, в молодости, в Ялте, еще когда покойный седой Синани¹ был черен как жук. Это он неизменно мешал подойти к знаменитой скамье — знакомиться. А при нем было стыдно.

И сейчас, если бы поверила «Дерутре» (божилась, подлая), конечно, в Италию и не попала бы. Так что ваше предложение достать мне визу — единственный способ разбить злую судьбу наших «невстреч». Буду вам очень благодарна, если достанете.

Говорить же так много есть о чем, что вот начала было вам сразу, еще неделю назад большое письмо — и не кончу никак. От близости свидания просто не смогу и оч<ень> трудно писать. Скажу сейчас только о ближайшем — 1 июля еду в Luchon с своей дочерью и знакомой франц<узской> семьей: он, проф<ессор> истории, она — дочь нашего известного ботаника Бородин². Проведем в горах месяц. Из Luchon'a я вам напишу, когда и куда нужно выслать всё.

Советский паспорт дан мне на год, значит до мая 28 г. Осенью я бы приехала прямо в Неаполь и, уже повидавшись с вами, через Рим и Венецию отправилась бы домой. Впрочем, все зависит от капиталов Госиздата. Жду известий по этому делу.

Будьте здоровы. До скорого...

Ольга Форш

¹ Исаак Абрамович Синани (ум. 1917) — владелец книжного магазина в Ялте. Магазин Синани служил своего рода клубом для писателей, художников, артистов. Приезжая в Ялту, Горький часто посещал магазин Синани.

² Иван Шарфентьевич Бородин (1847—1930) — академик, ботаник и физиолог.

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

Luchon. 3 августа (1927 г.)

Дорогой Алексей Максимович, я вторую неделю в Люшоне, где прохожу курс лечения, подвергаясь в серные пары — что происходит не столь живописно, как у древней Пифии, без треножника, скалы и пророчеств: пациентов сажают в герметически-закупоренный ящик — голова наружу, вроде как в китайской пытке. Глуповато, особенно, когда головы ссорятся с baigneurs'ами *. Прочее время работаю и провожу в горах, которые здесь необыкновенно приятны: мохнатые и добрые, как коровы; снег и «вершины» — больше на открытках, или, если подняться в Superbagnières (возит гусеница) — и то в случае если туман не съел Maladett'y.

Живу в очень хорошей и интересной семье фр<анцузского> академика Lot, чья жена Мирра Ивановна Бородина в 12 году занималась с вашим сыном вместе с другими русскими подростками в Chantellen (рядом с Fontenay aux Roses) ¹. И вот она просит вас сообщить, не знает ли ваш сын что-либо о судьбах следующих лиц: соученицы его Нины Бердниковой, Кости (фамилии не помнит, отец был «трудолик», умер на Капри) и «дяди Орехова». Если известны — то желательны адреса этих людей.

Я хочу пробыть здесь август, непременно побывать в Лурде, досмотреть, как и что там католики. Начиная от Лиможа на юг все города завидуют Лурду, все «республиканские» кюре грызут локти, изыскивая «миракли» — так сообщил мне человек под вывеской «Сапожник Генриха IV» в г. Каоре. Ехав сюда, по два-три дня останавливалась в «мертвых» городах, мало прославленных гидом, где никакие англичане не слезают, — и осталась очень довольна. Особенно этот городишко Каор, где свиньи роют трюфели по склонам гор и возвышаются над рекой башни нигде не виданного моста, изумительного (XII в.) Valentré. И народ не скрывается, говорит про свою жизнь, как говорили Одиссею встречные замечательные и обыкновенные греки. Люшон же как город — просто курорт. Как все курорты русскому испорчены Тургеневым. Преодолевать его (как пришлось в Версале преодолевать «Мирискусников» ², чтобы свежо увидеть XVIII век) — мне лень и не туда направлены мысли. Много прекрасного попорчено писателями, которые видят ярко, но «специально». И «Лурда» Золя не хочу перечитывать, потому что он все-таки написан à thèse с немудреной задачей потопить клерикалов. И топить-то нечего! А вот люди, народ, со всего мира, и кто читал и не читал Золя — идут пуще прежнего. Это что? Кто они, какие, чего и почему хотят? Это мне и хочется узнать. Наблюдения над работой кат<олических> миссий, которых уже довольно у меня набралось, — очень грустны. Как ни подправляют — живого немного.

Ну, об этом длинный разговор и лучше после Лурда, когда «досмотрю» и приеду в Италию. Да, в сентябре решительно хочу в ваши края, если, как хотели, достанете мне визу. И еще большая просьба, Алексей Максимович! Не можете ли вы, когда будете по собственным делам писать в Ленгиз, попросить, чтобы они прислали то, что должны мне по договору за август (пятьсот рублей), прямо в Неаполь на ваше имя. Если написать в августе, к сен<тябрю>, может быть, и выплут. Я считаю, что Ленгиз должен мне это сделать (т<о> е<сть> выслать долларами), потому что писателям, долго пребывающим за границей, всем это делают. Паспорт мне выдан

* банщиками (франц.). — Ред.

ГОРЬКИЙ

Дружеский шарж Кукрыниксов, 1934 г.

Музей Горького, Москва

на год, пробыть я собираюсь полгода, т<о>е<сть> до октября, и книгу дать о Западе. Путешествовать, лечиться и жить без денег довольно мудрено. И просто неумно, что делают такие затруднения с отправкой пишущему для *своей же* родины. За июль обещали мне выслать 500 руб. (столько полагается мне по договору ежемесячно, пока не выйдет вся сумма за 6 томов), а на днях сын написал, что переведут только 200. Простите, что беспокою вас своими делами. Но опыт научил, что надо о гонораре хлопотать заблаговременно. И в тот короткий срок, который могу пробыть в Неаполе, Риме и Венеции, — хотелось бы уж не иметь материальных забот. Кроме того, надо, чтобы знали, что деньги *нужны не зря, а для поездки в Италию* (про кот<орую>, конечно, напишу). Ответьте правду, если вам это неприятно почему-либо (упоминать о высылке мне на ваше имя Ленгизу), то надо успеть попытаться как-нибудь иначе достать деньги. Может быть, найдутся у ваших знакомых какие-нибудь люди, которым важно получить деньги в России (многие ведь посылают). Они бы получили мои деньги, а я бы здесь франки или лиры, конечно, так, чтобы у них не вышло потери. Обидно, что у меня русских денег достаточно, да перевести нельзя или уж очень хлопотно и долго, а времени у меня осталось немного.

Илье Груздеву писала о своих денежных делах, но ответа нет. Предполагаю, что он в отпуску. Имеете ли вы от него известия и не знаете ли где он?

Словом, жду от вас ответа и совета как мне быть.

Будьте здоровы.

Ольга Ф о р ш

¹ Сын Горького — Максим учился в школе под Парижем, руководимой русским эмигрантом И. И. Фидлером.

² Художники группы «Мир искусства» — А. Н. Бенуа, К. Сомов и другие воссоздали в своих картинах стилизованный образ Версаля.

14

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

<Сорренто. 9 августа 1927 г.>

Дорогая О<льга> Д<митриевна> —

в Ленотгиз написал, чтоб деньги выслали на мое имя возможно скорее: Неаполь, «Credito Italiano».

Груздев не отвечал вам, вероятно, потому, что у него, бедняги, умерла мать и опасно заболела жена.

Разумеется — с нетерпением жду вас. Простите, что не пишу, — то-роплюсь отправить письмо на почту, я ведь живу далеко за городом.

Всего доброго.

А. Пешков

9.VIII.27.

15

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

20 VIII 1927.

Мне на адресе надо писать улицу и виллу,
а то письмо может долго ходить.

Villa Paul Roger, rue Stéfen Liegeard, (chez Lot) Luchon.

Дорогой Алексей Максимович — очень, очень благодарю вас за вашу заботу обо мне.

Надо надеяться, что после вашего письма Ленгиз, наконец, выплет деньги. Буду ждать от вас о том извещения, а если окажется и виза, то немедленно и двинусь.

Прошу вас сообщить — очень ли придирчивы на итальянской границе к книгам и рукописям, чего доброго, все записки отберут? И что сделать, чтобы не отбирали?

И еще: в случае, если ехать сушей, а не морем, — могу ли остановиться на день-два в городах, которые по дороге? Или для этого нужна русскому еще особая бумага.

Будьте здоровы и, надеюсь, до скорого свидания, которого очень хочу.

Ольга Форш

16

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

<Сорренто. 26 августа 1927 г.>

Дорогая Ольга Дмитриевна —

характеры итальянских чиновников мне лично не пришлось изучить, по рассказам же лиц, посещающих меня, тутошние чинуши особенной свирепостью не отличаются. Рукописи — не трогают. Если вас на границе спросят: куда держите путь? — скажите: ко мне (т<о> е<сть> к Горькому). Это — помогает. Однако предупреждаю: становясь любезнее, власти усиливают слежку за путешественниками.

В градах и весях попутных останавливаться не воспрещено и особых бумажек для сего не требуется.

О получении денег немедленно извещу. А визу вам высылать в Париж, в итальянское консульство или — куда?

Всех благ!

А. Пешков

26.VIII.27. Sorrento.

17

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

<Сорренто. 10 сентября 1927 г.>

Дорогая Ольга Дмитриевна —

визу вы можете получить только в Париже, в итальянском консульстве; визы выдаются лишь на руки лицам, кои требуют их.

Груздев сообщил мне, что ГИЗ не может выслать деньги на мое имя, — писал ли я вам об этом?

Очень жду вас!¹

Будьте здоровы.

10.IX.27. Capo di Sorrento.

А. Пешков

¹ Форш приехала к Горькому в Сорренто в конце ноября 1927 г. См. ее статью «В гостях у Горького». — «Красная газета» (вечерний выпуск), 1928, № 12, от 13 января.

18

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

<Париж, начало декабря 1927 г.>

Дорогой Алексей Максимович!

Я забыла вас попросить вот о чем: в случае, если Ленгиз все-таки надумает мне выслать деньги — то перевести их в Париж на имя моей дочери. Адрес такой: M-elle Nadine Forch. 2, rue et Hôtel Lhomond (Paris V). Очень буду благодарить. А если мне придут письма, то, пожалуйста, их в Берлин: Herr Ovady Savitch. Berlin-Halensee. Joachim Friedrichstrasse 52 II bei Норре. (Прошу Ивана Николаевича¹ и в «Минерве»² сказать — я забыла).

Жду письма от сына. Марья Игнатьевна уехала сейчас, а я в понедельник.

Будьте здоровы и до скорого свиданья.

Очень, очень рада, дорогой Алексей Максимович, что узнала вас ближе. Всею дому мой привет.

Ольга Форш

Датируется по ответному письму Горького.

¹ И. Н. Ракицкого.

² Отель напротив дома Горького в Сорренто.

19

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

<Сорренто. 16 декабря 1927 г.>

Многоуважаемая графиня Ольга Дмитриевна —

посылаю вам разрушенную Асеевыми¹ книгу «Современники» и письмо Груздева с требованием «индивидуальных мотивов». Хлещет черный дождь, электричества нет, и ничего не вижу, хотя — в очках. Такая проклятая погода бывает только в Бергене, чем он и славен. От гнусного поведения природы у меня в душе темно-коричневый мрак, и я чувствую себя всесторонне обманутым, как молодая юноша, из которой вымочили все прекрасное, снабдив его насморком и угрожая ему бронхитом. И протекает потолок.

Тем не менее Асеевы уехали на Максиме² в Каstellамаре и, если они не утонут в потоках, это будет удивительно.

Почему вы прислали мне оскорбительную открытку с изображением каменной виселицы?³

Думаете ли вы написать мне — однажды — письмо закрытое и длинное? Будьте здоровы и не забывайте меня, дорогая О〈льга〉 Д〈митриевна〉.

А. Пешков

16.XII.26. Capo di Sorrento.

Письмо датируется по содержанию. Горький ошибочно написал: 1926 г.

¹ Николай Николаевич Асеев и его жена Ксения Михайловна гостили в это время у Горького в Сорренто. См. статью Н. Асеева «В гостях у Горького» в кн.: «Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком», под ред. И. Груздева. М.—Л., Госиздат, 1928). В этой статье рассказывается также о пребывании Форш у Горького.

² М. А. Пешков ездил с Асеевыми в Каstellамаре и, как всегда, сам правил машиной.

³ На открытке, посланной Форш Горькому в начале декабря 1927 г. с видом площади Мадлен в Париже, резко выделялся угол здания с двумя колоннами.

20

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

〈Сорренто. 6 января 1928 г.〉

Многоуважаемая и генеральская дочь!

Остатками сил старческой души моей благодарю вас за то, что вы, наконец, оказались именно в том пункте земного шара, куда обещали прийти¹, и что я ныне имею, кажется, достаточное основание считать вас вживе и здраве. А то уж я думал, что вас унесло в Индию или Австралию. Посылаю вам письма, вложенные в конверт с надписью на нем: «Передать О. Д. Форш». Это вы и есть О. Д. Форш. Надпись на конверте сделана потому, что я хотел послать письма Груздеву, ибо ваш адрес мною замечательно потерян.

Так как вы имеете прекрасную привычку дарить ваши книги, — вистую, посылая вам мою². Книга — солидная. Рекомендую читать ее по средам и пятницам, во дни постные, мне кажется, что от этого она будет интереснее. Предупреждаю — из человеколюбия: второй том будет толще. А один китаец в IX в. до Р. Х. написал книжечку, поднять которую могут лишь четверо людей — тоже китайцев — обладающих не дюжинною силой.

Гражданка М〈ария〉 Б〈удберг〉 прислала мне с дороги между Польшей — Эстонией — Румынией и Парижем длинное, карандашом написанное письмо, которое носит характер акафиста Ольге Форш. В этом же тоне говорит о ней — О〈льге〉 Ф〈орш〉 — евразиец Сувчинский³, проживающий в «Минерве» купно с одним из потомков Святополка Окаянного⁴. О ней же — О〈льге〉 Ф〈орш〉 — скучает известная Тимоша. И все это, в сущности, возмутительнейшее идолопоклонство.

Мною послано вдогонку вам несколько писем на Берлин, Тверь, Кременчуг и Астрахань. Все эти письма — из Парижа, кажется. После долгих трудов мною же открыт адрес Бабея: 15, Villa Chanbelot. Paris, XV.

Разрешите не терять надежду, что вы мне пришлете обещанные порнографические и иные книги, о чем в письме вашем не сказано ни слова.

К сведению: Святополк Окаянный — бывший князь, спец по истреблению единокровных братьев.

Желаю вам доброго здоровья и всяких радостей и успехов.

А. Пешков — бывший ребенок

До свидания.

6.I.28.

¹ Т. е. в Ленинграде.

² «Жизнь Клима Самгина». Берлин, «Книга», 1927.

³ Петр Петрович Сувчинский — литератор-эмигрант, один из участников программного сборника «евразийцев» «Исход к востоку» (София, 1921). О «евразийцах» см. письмо 6, прим. 4.

⁴ Дмитрий Петрович Мирский (Святополк-Мирский, 1890 — 1937) — литературовед. Был в эмиграции, вернулся в СССР. См. о нем в письме Горького к М. Е. Кольцову от 23 июня 1932 г. — «Новый мир», 1956, № 6, стр. 56.

21

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград. Конец января — начало февраля 1928 г.⟩

Алексей Максимович! Здравствуйте!

Наконец, могу поручиться, что книги, столь гривуазно вами аттестованные (некий совр⟨еменный⟩ Пушкину критик — так же «выразился» на предмет «Руслана и Людмилы» — поздравляю вас, сударь, с единомышленником) — на пути в Сорренто!¹

Содержание: 1) Цыганы
2) Медный всадник } А. С. Пушкина
3) Деревня, карт. Верейского, текст О. Форш
4) Портреты р⟨усских⟩ х⟨удожников⟩

Получил ли Макс Алексеев — «Чухонина»?² Все шаги были сделаны. Если нет, — приобрету и немедл⟨енно⟩ вышлю. Писать мне вам, после побывки, стало очень трудно. Разбаловалась разговорами — бумага раздражает. И тоскую. И солнца нет ни с свиной пяточкой. И телефоны дробью...

АВТОГРАФ ПИСЬМА О. Д. ФОРШ К ГОРЬКОМУ ОТ НАЧАЛА ДЕКАБРЯ 1927 г.

Написано на открытке с видом площади Мадлен в Париже

Архив Горького, Москва

Дела же таковы: для известной вам пьесы³, кот<орая> разрастается уже на весь «горьковский материал», я почла за благо «сомкнуться» с биографом вашим Ильей Груздевым. Он досконально знает все многообразие и, как Вий, молниеносно указывает где — что (для рабочих, мужика, купца и т. п.). Ибо добра у вас — в всесоюзном масштабе! Будем значит работать вместе. Подробно, пока не сделаю, говорить не хочется. Будет готово — пришлю. Беда, что не могу сейчас с головой в это дело уйти, необход<имо> сдавать рассказы.

Была на вашей выставке в Пушкинском доме⁴. Портретов тьма — но весьма немногие писаны с вас (силуэт Кругл<иковой>⁵ хорош). Прочим же позировали: либо беглые каторжники (и не полит<ические>), а крупноуголовные), либо солдатские большие чайники, либо незаконные сыны то ли К. Фофанова, то ли К. Бальмонта (репинский расхлябанный юнош)⁶.

У тов. Ракицкого портрет похож глазами — усами, носом же — не вполне⁷. Кланяйтесь ему (Ракицкому), снился — уж не ворожит ли на меня!

Всем кланяйтесь крепко. Дарье и Марфе прошу передать замечат<ельные> открытки Петергофских фонтанов. Пусть похваляются перед <дюком>⁸. Пусть чтут фонтаны родины! Не похуже итальянских. Гражданке Мар<ье Игнатьевне> — пишу особо завтра, на вас, надеюсь, она уже не в бегах?! Нежный цвет Тимошу целую, Максу Алексееву вечная благодарность, что сопричел меня своей машине и промчал по итальянским эмпиреям. Сейчас, без солнца — вот когда досматриваю города, горы, четырехногую радугу и трехэтажное (Nonny soit qui mal y pense*) синее, бирюзовое, снежнопенное море с высот Позитано. Не ожидала, что физически так трудно перемахнуть из климата S<orrento> — на Литейный пр. Даже главное не солнце, а сырость и мзга. Морозы всё не встают прочно.

Было выступление «Христос и Антихрист»⁹ — богоспецы, живцы, мертвяки. Жаль, что чухонско-буддийского вахмистра нет. Батюшки говорили стихами, высокой и низкой прозой и политграмотой. Угробили сами себя, и красный проф<ессор> зафиксировал: «вопр<оса> об Хр<исте> и Ант<ихристе> — уже *метафизически* нет в природе, вопрос ставился здесь представителями церкви лишь о том, у кого он в „приходе“». Дожил бы В. Соловьев, свои труды б бросил, пожалуй, на бильярде бы стал играть. Один батюшка (старый) выразился: «если тихоновцы черные раки, то обновленцы... раки вареные»¹⁰. Finis. Больше на них ходить не стоит. Лучше не скажут.

А евразийца Сувчинского я не знаю, видала однажды безмолвно, а разговоров никаких не вела, так что симпатия его неосновательна. Спутал с кем!

Илья Груздев очень просит выслать сейчас же тот набросок, кот<орый> я с вас сделала, а вы кооптировали. Его выплют сейчас же вам обратно, если хотите, — он нужен в сборник¹¹ на ваше поношение.

Прошу вас отметить, что «странички»: «Как живет и работает М. Г.» мною не написаны. Пришлось только защитить вас от слуха, будто американец некий везет вас на показ в Америки (обе!). Утверждаю, что будете весной *здесь*¹². Чего очень и жду.

Ольга Ф о р ш

Датируется по сопоставлению с письмами 20 и 22.

¹ Речь идет об изданиях Комитета популяризации художественных изданий при Российской Академии истории материальной культуры:

А. С. П у ш к и н. Цыганы. Рисунки Л. Ф. Майделя. Пг., 1924.

* Да будет стыдно тому, кто об этом дурно подумает (франц.). — *Ред.*

А. С. Пушкин. Медный всадник. Петербургская повесть. Иллюстрации Александра Бенуа. Редакция текста и статья П. Е. Щеголева. СПб. (издание было отпечатано в 1917 г.— *Ред.*), 1923.

Г. В е р е й с к и й. Деревня. Рисунки на камне. Текст О. Форш. Л., 1924.

«Портреты русских художников». Автолитографии Г. С. Верейского. Тетрадь первая. Пг., 1922.

² Абрам Э ф р о с и Николай П у н и н. С. Чехонин. М.—Пг., Госиздат, [б. г.].

Сергей Васильевич Чехонин (1878—1937) — график, был членом объединения «Мир искусства». В первые годы революции иллюстрировал множество советских изданий, работал по росписи фарфора. В 1928 г. эмигрировал в Париж.

³ Пьеса «Начало пути» была написана Форш совместно с И. Груздевым по автобиографическим повестям Горького (М.—Л., «Искусство», 1941 г.).

⁴ Выставка, посвященная 35-летию литературной деятельности Горького, в Пушкинском доме при Академии наук СССР была открыта 29 декабря 1927 г.

⁵ Елизавета Сергеевна Кругликова (р. 1865—1941) — художник, график. На выставке был представлен силуэт Горького, сделанный в 1921 г. (хранится в фондах Музея А. М. Горького).

⁶ Имеется в виду портрет Горького работы И. Е. Репина 1899 г. (масло) (Русский музей. Ленинград).

⁷ Экспонировался портрет работы И. Н. Ракицкого 1927 г. (хранится в фондах Музея А. М. Горького).

⁸ «Дюк» — домашнее прозвище герцога Серра Каприоло — хозяина дачи, где жил Горький.

⁹ Диспут на тему «Христос и Антихрист», организованный Ленинградским союзом безбожников, состоялся в январе 1928 г. в помещении Ленинградской академической филармонии. См. о нем в журнале «Антирелигиозник», 1928, № 2.

Впечатления от этого диспута и ряда других легли в основу рассказа Форш «Живцы» (в кн.: «Пятый зверь». М., Госиздат, 1928).

¹⁰ Речь идет о двух направлениях в русской православной церкви, сложившихся в двадцатых годах. «Живцы», «обновленцы» — сторонники так называемой «живой церкви» — движения, руководимого митрополитом Антонием (А. А. Грановским, 1860—1927), стремившимся приспособить церковную организацию к условиям советской действительности.

«Тихоновцы», они же «мертвяки» в противоположность «живцам» — сторонники патриарха Тихона (Василия Белавина, 1865—1925), возглавлявшего ортодоксальные церковные круги.

¹¹ В кн.: «Горький. Сборник статей и воспоминаний» под ред. И. Груздева (М.—Л., 1928) помещена статья Форш «Портреты», посвященная анализу портретных изображений Горького. Рисунок Форш воспроизведен не был. Опубликовано в кн.: «Портреты Максима Горького». Изогиз, М.—Л., 1932, стр. 22.

¹² Горький приехал в СССР 27 мая 1928 г.

Многоуважаемая

мелкобуржуазная гражданка

и бывшая генеральская дочь!

Благоустроенный вами чайник сломал себе крышку, и синяя веревочка на ручке его, перепрев, распустилась. Соблаговолите ли вы в спешном порядке приехать сюда для реставрации чайника или же распорядитесь прислать оный чайник с присовокуплением веревочки вам в Ленинград? Третьего выхода из создавшегося положения — не вижу.

Затем — сердечно благодарю: получил превосходнейшие издания Академии ¹ и купно со чады и домочадцы полюбовался ими вдосталь. И послал пославшим благодарность мою, очень пылкую притом. Соловей ² пишет эскизы к «Памфалону»³, — хорошо пишет. Целые дни пишет.

А кто это «Чухонин», которого я должен был получить. Чехонин⁴? Не получил я и порнографических стихотворений, вами обещанных, а без них — не могу жить. За сравнение с беглым каторжником покорнейше благодарю вас. Разрешите заявить, что вы похожи на Екатерину

Брешко-Брешковскую в молодости. Незаконным сыном Бальмонта я тоже не могу быть, ибо он, Б(альмонт), родился после того, как я сделал это. Напрасно обижают. А вот у вас есть что-то общее с папессой Иоанной. Да. А вот у меня в гостях были три поэта⁵, но я вам о них ничего не скажу и даже имен не назову, — и пусть любопытство раздраженное доведет вас до бессонницы.

Милая О(льга)Д(митриевна)! Чудеснейший вы человек, честное слово! И не я один говорю это, а — все, хором, титулованные и которые просто люди. Трогательно восхищается вами Тимоша. Очень хорошо, что вы — есть и что я совершенно точно знаю это. Одно плохо в характере вашем: привычка писать письма вдоль и поперек, а также склонность к вводным предложениям. Чехов, Антон, тоже литератор, называл вводные предложения «соседние барышни». Ну, это господь простит вам. Он и не такие грехи прощает.

Будьте здоровы и до свидания!

Самовар у вас есть? Я — чтобы посидеть с вами у самовара, часов пять. Вьюга свистит за окном, хулиганьи шансонетки поет, а мы с вами враждебно чай пьем и — вы меня, а я вас — ругаем. Упоительно! Груздеву же — привет.

А. Пешков

16.II.28.
Sorrento.

¹ См. письмо 21, прим. 1.

² Соловей — И. Н. Ракицкий.

³ См. письмо 23, прим. 4.

⁴ См. письмо 21, прим. 2.

⁵ Поэты И. Уткин, А. Безыменский и А. Жаров гостили у Горького в Сорренто в феврале 1928 г.

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

«Ленинград.» 26 апреля 1929.

Дорогой

Алексей Максимович,

посылаю вам свою новую книгу «Под куполом»¹, где «Лурдские чудеса» — посвящены вам. По-моему они вышли удачней прочего, кроме того, запомнилось, как хорошо вы смеялись, когда я вам кое-что оттуда рассказывала в лицах.

Мне очень грустно было, Алексей Максимович, что не привелось увидеть вас и побыть с вами как следует, по-настоящему. Я разболелась в Ессентуках, а потом, по приезде — в Ленинграде и разъехалась с вами.

Надеюсь, что еще непременно встретимся с вами и так же хорошо, как в Сорренто.

Я написала только что пьесу, которая худ(ожественным) советом Госдрамы (б. Александрина) принята единогласно к постановке и очень одобрена. Ставить будет Н. В. Петров². Пойдет пьеса осенью для открытия сезона. Зовется «Причальная мачта»³, а содержание своими словами рассказывать не стану, а пришлю как только выйдет из печати вам на критику. Пьеса эта во всяком случае не та, которую затеяла было писать еще у вас⁴, а совсем нечаянно для себя самой — написала другую. От прежней есть в черновиках три акта, и к ней вернусь непременно, умудрившись театральным опытом.

Принялась было за роман — но как-то неохота. Драматургический запал еще не разрядился одной пьесой, с разбегу еще хочется работать для театра.

Тянет меня издавна к комедии. И думаю сейчас, когда новый быт уже во многом не только «на переломе» — а отстоялся и кое в чем грозит перейти и в статику, — можно дать его уже не одним шаржем и однодневкой. И вот прошу вас, дорогой Алексей Максимович, «поискаться» для меня в несметном обилии виденного вами и указать на «материал» и темы. Буду очень благодарна и приму к сведению.

Часто вспоминаю, как хорошо было мне у вас и с вами. Шлю душевный привет Марье Игнатьевне, милой Тимоше, Макс<иму> Алексеевичу, Ивану Николаевичу, дуку с дукинями и парным фокстерьерам, если не сбежали. Марью Игнатьевну прошу очень сообщить мне, как дела с американским изданием «Одеты камнем»⁵ и вообще с ее переводом? Вышла ли книжка, выйдет ли? Писала ей два раза безответно. Верно, она была в своей труднопроизносимой стране, и мои картинки до нее не дошли.

23 мая я еду в Эссенуки опять — ибо, к сожалению, энергии на мой пай отпущено больше, чем здоровья.

Всю зиму болею.

А вы — будьте здоровы и напишите мне хорошее письмо.

Адрес прежний: пр. Володарского, д. 9, кв. 6.

Любящая вас Ольга Форш

Ответное письмо Горького от 7 мая 1929 г. опубликовано в т. 30, № 960.

¹ Ольга Форш. Под куполом. Л., «Прибой», 1929. См. отзыв Горького об этой книге в ответном письме Горького (т. 30, № 960).

² Николай Васильевич Петров (р. 1890) — народный артист РСФСР, в 1928 г. — директор и художественный руководитель Ленинградского государственного академического театра драмы им. А. С. Пушкина.

³ Пьеса «Причальная мачта» напечатана в «Звезде», 1929, № 10. См. также: Ольга Форш. Собр. соч., т. V. М.—Л., Госиздат, 1930. Пьеса была поставлена Ленинградским государственным академическим театром драмы им. А. С. Пушкина в октябре 1929 г. (режиссер-постановщик Л. С. Бивьев).

⁴ В воспоминаниях «Из переписки с Горьким» Форш пишет: «Я сделала в Сорренто попытку написать пьесу, в которой кое-что взято из рассказа Лескова „Скоморох Памфалон“. Художник Ракицкий, живший у Горького, стал делать эскизы к воображаемой постановке» («Звезда», 1945, № 2, стр. 105).

Об этой же пьесе Форш писала Горькому 29 декабря 1927 г., т. е. сразу же по приезде в Ленинград из Сорренто: «Проездом здесь Мейерхольд. Рассказывала ему, что вам понравился пропущенный через меня его гоголевский „Ревизор“ — уф! Оговорила, что добрую половику наврала (он собирался на буд<ущий> год в турне именно с „Ревизором“) — если здесь весной не захватите, обязательно проверьте мою интерпретацию хоть темы. Он посократил и, верно, еще теперь лучше.

Предложил к весне дать пьесу. Я должна спешно сейчас сдавать „Западные впечатления“, а потом вплотную примусь за то, что начала в Сорренто, как только первый акт будет готов — вам пришло» (АГ).

Работа над пьесой не была завершена.

⁵ См. письмо 4, прим. 3.

Дорогой Алексей Максимович,

не считайте, что я вас обманула или ленюсь работать. Настоящий материал для «Человека в производстве»¹ будет у меня только к июлю-августу. Петру Петровичу² недавно в Москве я об этом говорила и просила передать вам.

К тому, что зовется очерком, у меня нет никакого вкуса. Эти очерки сейчас, что пескари в пруду, толкутся стаями, а всё не рыба. Конечно, они полезны и необходимы, но даже самые удачные не запоминаются, если не найдена особая художественная форма (Лаврухин «В поисках героя»³).

Мне хочется о Московской области, производство которой я избираю для своей новой работы, дать книгу в том примерно стиле, как написано у меня про Запад («Под куполом»). Для этого, конечно, надо времени побольше. Еду в конце мая в Москву, где пробуду до начала августа.

Сейчас же заканчиваю «Сумасшедший корабль» (в «Звезде») ⁴, где вам, не посетуйте, отводится жилищплощадь на целую главу. Для уплотнения и «обрамления» попадут к вам Уот Уитмен и Васька Буслаев. Относительно последнего прошу сообщить, много ли осталось у вас под спудом? ⁵ Из напечатанного мне известна лишь «Похвальба» в «Моих университетах» ⁶. Кажется, больше нет нигде. И какое отношение имеет пьеса Амфитеатрова ⁷ к этой вашей теме?

Радуюсь, милый Алексей Максимович, что увижу вас. Только были бы здоровы и не откладывали свой приезд.

Шлю поклон всему семейству и добрую память уже о далеких днях в Сорренто.

Ваша Ольга Ф о р ш

Ответное письмо Горького от 8 июня 1930 г. опубликовано в т. 30, № 986.

¹ «Человек в производстве» — книга, задуманная под влиянием Горького, предложившего Форш написать ряд очерков для журнала «Наши достижения». Позднее (в 1931—32 гг.) Форш писала Горькому об этом своем начинании: «Посылаю вам на оценку и главу из предполагаемой новой книги „Человек в производстве“, о которой говорили с вами утром, среди рябушинского великолетия. Хотелось бы знать, посылать ли вам следующую главу, о *заводских газетах*, в таком же роде, или лучше по вашему впечатлению больше дать упора на рассказ и вообще беллетристику?»

Основная тема всей книги — защита *полноценности человека* при механизации производства» (АГ).

О характере задуманной Форш работы, посвященной заводским газетам, позволяет судить записка писательницы, хранящаяся в рукописном отделе ИМЛИ.

«...Свой вклад я предлагаю дать в форме работы: — *Литература заводской газеты*.

Ведь завод — это микрокосм, отражающий жизнь всего громадного Союза в своей газете, и потому все в ней интересно, все — *история*» (Отдел рукописей ИМЛИ, II—7494).

В воспоминаниях «Из переписки с Горьким» Форш рассказывает о дальнейшей судьбе этой книги.

«Относительно производственных очерков, о которых были разговоры (Алексей Максимович взял с меня обещание написать серию очерков для „Наших достижений“), произошло на практике следующее: после неоднократного посещения текстильных фабрик у меня получилась только одна работа „Хамовное дело“ (напечатана в книжке моей „Боковая функция“). Для дальнейшего у меня не хватало специальных знаний, и я написала Алексею Максимовичу, что нужна многолетняя подготовка, специальное образование, во всяком случае очень серьезное вживание в новое писательское дело» («Звезда», 1945, № 2, стр. 106).

В 1932 г. Форш опубликовала в «Литературной учебе», № 5 статью «Заметки о языке стенгазет».

² П. П. Крючкову.

³ Дм. Л а в р у х и н. По следам героя. Записки рабкора. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1930.

⁴ О. Ф о р ш. Сумасшедший корабль.—«Звезда», 1930, №№ 2, 3, 4, 6, 12. В главе «Волна седьмая» (№ 12) Горький изображен под именем Еруслана.

⁵ В 1912 г. на Капри Горький предполагал написать о Василии Буслаеве пьесу или либретто для оперы с участием Ф. И. Шаляпина. Сохранился ряд стихотворных набросков. См. «Архив А. М. Горького», т. VI. М., Гослитиздат, 1957, стр. 132—134. См. также письмо Горького Форш от 8 июня 1930 г. (т. 30, № 986).

⁶ Форш имеет в виду «хвастливый Васькин монолог», приведенный Горьким не в «Моих университетах», а в очерке «А. П. Чехов».

⁷ А. А м ф и т е а т р о в. Василий Буслаев. Ревель — Берлин, «Библиофил», 1922.

⟨Ленинград.⟩ Ноябрь 30, 1930.

Дорогой Алексей Максимович,

здравствуйте! Не сердитесь, что давно не пишу вам, зато крепко думала о вас, — чему доказательство получите в декабрьской книжке «Звезды».

Окончательное ваше суждение о «Сумасшедшем корабле» прошу отложить до выхода его целиком¹.

Недавно было у меня впечатление, что повидалась с вами персонально, ибо подняла вашего «Клима» одним махом. Подробный разговор откладывая до встречи весной, сейчас только скажу, что за Лидию посердилась. Уж и выдали вы ее замуж! А тут Илья Груздев сделал мне сообщение из вашего последнего письма о том, кому просватали «безумную девушку» — ну и сват! А в наказание вам, что неосновательно попрекаете «Памфлетом», вручу-ка я вам весной рукопись в 10 картинах с балетными и цирковыми номерами и повеселюсь, что вы с ней будете дальше...

Летом, несмотря на недуги, старалась честно добыть вам обещанный материал (по производству). И не сетуйте на меня за то, что переплавился он в «Черный фонтан»² — книжку для детей невинного возраста. Единственная причина — честность литератора.

Чтобы писать без спецобразования о производстве, нужна или «легкость мыслей необыкновенная», или очень длительное и серьезное вживание в это новое для писателя дело. Хлестаковщиной не пленяюсь, а на второе, к сожалению, просто не хватило здоровья. Пришлось лечиться летом серьезно. Итак, познаний по производствам, оживленных фабулой, хватает только для ребят.

Очерки для читателя — право скучны, за очень малыми удавшимися исключениями, писателей, которые поселились в колхозах и т. д.

Очерки большинства — словно вдвинутое в мозги сито. Сеют, сеют, а в памяти не оседает.

Попытаюсь все-таки изобрести особый «маленький фельетон». Печально, что у нас юмор мало понимают и ценят — а без него получается оскомину набившее «задание».

Алексей Максимович, вы мне заблаговременно сообщите, когда именно думаете быть в Питере или Москве (весной ли, летом?) Мне уже скоро надо устраиваться на лечение в Боржом. Хочу сроки согласовать с вами.

Сейчас, между прочим делом, расплачиваюсь за вашу славу. Навожу критику на присланные вам рассказы в «Литучебу»³. Пока мало свежего, стараются писать похоже на чье-то прочитанное, чтобы поглаже. Хотелось бы, хоть коряво, косноязычно, — но *свое*. Поражает отсутствие глаза и языка в наблюдении нового быта. Все переменялось, а пишут, словно скатывают с допотопной «Нивы», заменяя только полицейского — милиционером и т. д.

Значит ли это, что, за исключением подлинных самородков, творчество уровня *среднего* не в силах оформиться без вполне отстоявшейся новой культуры? И удивительно, почему столько людей хотят быть художниками слова, не имея на то данных, между тем, как никому и в голову не придет учиться музыке без особых на то способностей. Худ(ожником) слова между тем обречен быть только тот, кто, хоть в ступе его толки, не быть им не может. По-моему, лучше и честней от художества словесного удерживать, указывая на применение мысли и способности ее формулировать в иной, простейшей форме. Ведь вдребезги разобьется, если приохотить его к тому, на что «орудий производства» у него нет. Или вы того мнения, что та особая «литературная музыкальность», которая необходима

художнику слова, может быть развита, даже не будучи врожденной? По рисов<альной> школе ⁴ знаю — кто краски не видит от природы, идет по графике. Письма же молодых, прилагаемые к рукописям, очень интересны. Тут говорят «своим языком». Один юнош вам советует — «Крепитесь, А<лексей> М<аксимович>, и крепите нас!» Лучше не придумать, — ставлю точку. Кланяйтесь от меня всему вашему памяtnому дому, большим и малым, Петру Петровичу, если еще у вас, и молодоглазому Дуке с дукесами.

Будьте здоровы и непременно приезжайте.

Жду вас.

Ольга Ф о р ш

За ваше письмо и стишок — благодарю. Только до «надзвездного» переселения надо бы еще на тихой земле повидаться ⁵.

¹ О. Ф о р ш. Сумасшедший корабль. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1931. Книга послана с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу. С чувством давней близости. Ольга Ф о р ш. 1931, 17 май» (ЛБГ).

² Книга не была издана.

³ Статья Форш, посвященная разбору рассказов одного из начинающих писателей, была напечатана в «Литературной учебе», 1931, № 8, в разделе «Письма из редакции». В первых номерах журнала за 1930 г. в этом разделе печатались статьи Горького.

⁴ Форш училась в рисовальных школах в Киеве и Одессе. До 1917 г. преподавала рисование в киевской средней школе, а позже — в г. Пушкине.

⁵ См. письмо Горького к Форш от 8 июля 1930 г. (т. 30, № 986).

26

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

(Сorrento. 15 декабря 1930 г.)

Высокопочтенная и неугомонная критикантка! Возражаю.

Действуя по примеру Природы, коя не стесняется злокозненно соединять различных девочек с различными мальчиками, я не считаю себя ответственным за неудачные браки и даже вижу себя великодушнее оной Природы и даже нахожу ее — между нами — глупой, согласно с Артуром Шопенгауэром, немцем настолько талантливым, что многие подозревают в нем еврея. Великодушнее я себя вижу, потому что в действительности — тоже не очень умной — девица, фигурирующая в многотомном романе, — прочитанном вами в поте лица, — фигурирующая под псевдонимом Лидии Варавки — претерпела судьбу еще более густо несчастную и уродливую. Так что я, в некоторой степени, корректирую поступки Природы и действительности, о чем прошу вас покорно упомянуть в памфлете против М<аксима> Г<орького>, изготовляемом вами по социальному заказу марксистского журнала «Звезда».

Нарушение клятвы вашей написать нечто для «Н<аших> д<остижений>» не могу рассматривать иначе, как вредительство и клятвопреступление. Угрозой вашей прислать мне 10-картинную рукопись с балетными плясками и цирковыми трюками, — отнюдь не потрясен, а наоборот, искренно рад — за вас. Ибо: человека, кои не способны приумножать талантов, евангелие от Матфея грозит ввергнуть во тьму, где «будет плач и скрежет зубов». Но хочу, чтоб вы скрежетали зубами.

В Москве я буду к 1-му мая ¹, а к вам попаду чай пить в конце его, т<о> е<сть> — мая же.

«Очерки для читателя скучны» сообщаете вы, чтоб уязвить меня. Не пр-авильно! «Наши дост<ижения>» печатаются 55 т<ысяч>, дайте нам бумаги и в 31 году мы будем печатать 150 тысяч. «Туркменистанские» очерки Н. Тихонова ² — «высокая форма» и Тихонов — извиняюсь! — утирает нос Гурию Мопассану. И не один Тихонов утирает нос ему, а так-

же многим прочим европейским сочинителям, нет, у нас развелось весьма богато талантливых очеркистов и, между ними, рекомендую вашему вниманию Всев. Лебедева «Полярное солнце»³.

Эх, вы, Жорж-Занд, Аврора Дюдеван и воплощение скептицизма! Только юностью кучерявой души вашей и могу я объяснить озорство пера вашего. Разрешите напомнить, что известный ученый и военный цензор Евгений Аничков⁴ сказал и почти доказал, что «скептицизм на самом деле консервативен». Да-с!

А другой, еще неизвестный и не ученый, совершенно убежден, что жизнь, в конечном счете, является ничем иным как «художественным» творчеством и если сегодня некто лапти плетет, так спустя некое время кто-то неизбежно воспоет оные лапти прелестными и веселыми словами:

«Эх, лапти мои, лапоточки мои».

Это вам не Платон, у которого сначала — идея, а потом — лапти, это — совершенно наоборот. И, заметьте, что никто из поэтов никогда не пел:

Люблю тебя, моя идея,
Мамаша всех мирских вещей!

Старческое легкомыслие мое и опереточное настроение, вероятно, возмутит вас, но, шэр маадам, на серьезный, соответственный возрасту моему лад — я не могу себя настроить. Ибо: третьи сутки дует сирокко, облака мчатся так низко над землей, что Сорренто — не видно, сжечасно хлещет дождь; душно, визгливо, все качается и, вообще, — кавардак! Вина бы выпить, а — не велят; людей никаких нет, книги присылают всё страшные: «Эвропатология личности и творчества Л. Толстого»⁵, «Наставление правильно состязаться с раскольниками»⁶ и в наставлении этом — соблазнительные слова: «Ересь — значит сомнительный выбор догмата». А — надобно читать, потому что хочется узнать: чему поучал, какую ересь выдумал «сомнительно» мужик Илларион Коровьи ножки, живший в 1755 г. в Черноболе? А о нем, Коровьих ножках, и нет ничего в «Наставлении». Так и всегда: ищешь усердно, а — бесплодно.

Не сердитесь, а то я вам еще чепухи напишу.

И будьте здоровы. Приехать бы вам сюда, на зеленую зиму, да и пить оливковое масло по стакану натошак, и пришла бы печень ваша в должный порядок.

До свидания!

А. Пешков

15.XII.30.

Р. С. Что-то очень сильно крысы волнуются, точно перед землетрясением. А может быть это сирокко душит их. Крысы здесь — почтенные, вершков по восьми длинной.

Р. Р. С. Правительство тутошное организует для юношества библиотеки из литературы исключительно романтической, из одних Шиллеров, Гофманов и Клейстов. Что вы скажете по этому поводу?

Р. Р. С. В Неаполе население требует от папы, чтоб она объявила святым профессора хирургии Мизани. Факт. Профессора уже вырыли из земли и показывают желающим, желающие видя<т>: хотя сильно высох, а — нетленен.

¹ Горький приехал в Москву из Сорренто 14 мая 1931 г.

² Николай Тихонов. Туркменские записи.—«Звезда», 1930, № 8. Отдельное издание (с некоторыми сокращениями) — «Туркменские записи». М.—Л., «Молодая гвардия», 1931. Цикл очерков «Туркменские записи» вошел также в кн.: Н. Тихонов. Кочевники. М., «Федерация», 1931.

³ В. Лебедев. Полярное солнце. М., «Федерация», 1930.

⁴ Евгений Васильевич Аничков (1866—?) — историк литературы и критик.

⁵ Г. В. Сегалин. Эвропатология личности и творчества Льва Толстого. Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии), т. V, выпуск III—IV. Свердловск, 1930.

⁶ «Наставление правильно состязаться с раскольниками, сочиненное в Рязанской семинарии по предписанию покойного преосвященного Симона, епископа Рязанского и Шацкого». Изд. 2. М., 1815. Горький приводит слова со стр. 2: «Ересь... значит в сем смысле самомненный выбор вновь догмата, одного или многих к верованию».

27

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград.〉 2 апреля 1933 г.

Дорогой Алексей Максимович,

посылаю вам первый номер «Звезды» 1933 г. с первыми главами моего нового романа «Символисты»¹. Мне очень хотелось бы узнать ваше о нем впечатление.

Первая часть другого моего романа «Якобинский заквас»² напечатана этой зимой тоже в трех книгах «Звезды». Пока даны только годы учения Радищева в Лейпциге, там же учится и Гете, и дан быт немецких студентов того времени. Будут еще три части, которые охватывают годы от 1773—1791. Расцвет деятельности Н. Новикова и Радищева, до ссылки обоих.

Эти оба романа считаю самыми для себя ответственными и кладу в них много работы. Хотелось бы подробнее поговорить о них с вами. Радуюсь, что скоро к нам приедете, и хочу непременно с вами повидаться, Алексей Максимович! Шлю привет всей вашей семье. Будьте здоровы сами и приезжайте.

Ольга Форш

Ленинград, В. О., Съездовская 29, кв. 17.

¹ См. письмо 5, прим. 2.

² Роман «Якобинский заквас» (первая часть трилогии о Радищеве) печатался в «Звезде», 1932, №№ 5, 9, 10—11.

28

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград.〉 3 апреля 36 г.

Дорогой Алексей Максимович,

посылаю вам только что выпешший роман «Казанскую помещицу». Это вторая часть моей большой работы о Радищеве.

Первую часть «Якобинский заквас» я, помнится, дала вам на съезде в Москве. Будет еще третья — под заглавием «Пагубная книга»¹.

Но сейчас я пока эту работу оставляю для окончания пьесы о Камо² и «Женщин нашего Союза»³.

Вот о «женщинах» и хочу с вами поговорить.

Материал так велик и разнообразен, что глаза разбегаются. Есть необычайные биографии и поступки женщин-военных, парашютисток, врачей, учительниц, современных женщин — матерей, которые ни детей своих, ни дела не оставляют.

Много нового в психологии, такого, что *подымает* общий женский средний тип. Как все это передать?

Отдельными биографиями?

Романом или пьесой?

Я еще окончательно формы не могу найти. Пожалуй, пьеса, если удастся, будет выразительнее всего. Как вы думаете?

Прошу вас, Алексей Максимович, поделитесь со мной в этом вопросе вашим опытом. *Что* выбрать как самое для нашего времени и быта наиболее типичное и его выражающее?

Присылают мне письма о том, как учатся, работают, о чем мечтают, — но чем дальше, тем задача обобщения всех этих сведений делается трудней...

Надо найти какое-то общее дело или придумать происшествие, вокруг которого растут и разворачиваются все эти новые женские психологии. И главное, чтобы все было совершенно натурально.

И потом, если формой брать не биографию — то новый вопрос — кого отбирать?

Необычайные военные биографии или те новые условия, которые, па-пр<имер>, прирожденное женщине материнство, *выводят из узкого, доселе, только домашнего круга?* Взять женщину в колхозе, в детдоме, где она так много может при желании дать и часто дает — по линии материнства?

Буду вам писать по мере того, как встанут новые вопросы, а от вас ждать материала и указаний.

Сейчас я все еще не могу вплотную заняться этой работой. Но вот на днях просмотрю рабочий сценарий «Пугачева»⁴, закончу пьесу и с головой уйду в женский вопрос.

Как вы себя чувствуете? Здоровы ли? Мне бы хотелось вам и «Камо» показать!

В основу его характера взято мною очень выразительно закрепленное вами впечатление от этого необыкновенного человека.

Жду от вас ответа, дорогой Алексей Максимович, шлю вам и всей семье вашей мой привет.

Ольга Форш

Адрес мой — Ленинград, Канал Грибоедова, д. 9, кв. 125.

¹ «Казанская помещица». Роман, М., «Советский писатель» 1936; «Якобинский заквас». Роман, ч. 1. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1934; «Пагубная книга» (Роман о Радищеве). Л., Гослитиздат, 1939.

² Камо — партийная кличка известного революционера-большевика Семена Аршаковича *Тер-Петросяна* (1882—1922) (см. очерк Горького «Камо», написанный в 1931 г., см. т. 17, с. 335—344). Отрывки из пьесы «Камо» — «Отъезд Камо» и «Побег» были опубликованы в «Ленинградской правде», 1936, № 129, от 6 июня и № 169, от 24 июля.

В 1937 г. в «Вечерней Москве» (№ 294, от 26 декабря) было помещено сообщение о том, что Форш закончила пьесу из жизни революционера Камо. Напечатана пьеса значительно позже в «Неве», 1955, № 2.

³ На эту тему Форш написала статью «О нашей женщине (Роль советской женщины в строительстве социализма)». — «Звезда», 1937, № 2.

⁴ Ольга Форш. Пугачев. Киноповесть. — «Красная нива», 1936, № 4. Фильм по этому сценарию был поставлен на студии «Ленфильм» в 1937 г. См. рецензию М. Н. — «Правда», 1937, № 303, от 2 ноября.